

КОРОЛЕВА'ДЕТИХ СУМЕРЕК

ЧАРЛЬЗ БИСС.

FANZON

Fanzon. Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Чарльз Весс

Королева Летних Сумерек

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бесс Ч.

Королева Летних Сумерек / Ч. Бесс — «Эксмо»,
2022 — (Fanzon. Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-196671-3

Когда на ночной улице в центре Инвернесса незнакомец на черном мотоцикле выручил Джанет Рэйвенскрофт, она и представить не могла, чем это для нее обернется. Откуда ей было знать, что этот человек является ключом к тайнам, которые наполняют ее жизнь: смешанное происхождение, жестокость отца, отсутствие матери и ощущение, что она никогда не принадлежала самой себе? Он выдернет ее из привычной жизни в современной Шотландии и приведет в царство фэйри. Вот только королева страны Летних Сумерек безумна, и это ставит под угрозу не только жизнь девушки, но и ее душу... Всемирно известный художник Чарльз Бесс сотрудничает с крупнейшими писателями-фантастами, такими как Урсула Ле Гуин, Нил Гейман и Чарльз де Линт, создает культовые иллюстрации и завоевывает множество наград. Теперь он представляет свой первый роман-фэнтези – историю, которая родилась из образа двух людей, мчащихся на мотоцикле по полю, оставляя за собой горящую траву, вдохновленную балладой «Молодой Тэмлейн». Чарльз Бесс создал роман о настоящем чуде. «Этот роман – целительный эликсир с привкусом чуда, так необходимый в наши дни». – Чарльз де Линт «Прекрасно проработанная современная интерпретация классической баллады, которая придется по душе поклонникам европейской мифологии, ищущим более традиционные истории о фэйри». – Aurealis «Один из способов вырваться из истории – это совершить нечто неожиданное. И в своем путешествии Джанет узнает, что может произойти с теми, кто отказался играть ожидаемые от них роли. Это очень приятное чтение с характерным стилем и тоном повествования». – ParSec

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-196671-3

© Бесс Ч., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Чарльз Весс	6
Пролог	7
1	8
2	12
3	15
4	18
5	21
6	27
7	34
8	39
9	43
10	46
11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чарльз Весс
Королева Летних Сумерек

**The QUEEN of SUMMER'S
Twilight**

Charles Vess

The Queen of Summer's Twilight

Text and illustrations, copyright © 2022 by Charles Vess.

Reproduced by kind permission of Charles Vess, under licence.

Fanzon Publishers

An imprint of

Eksmo Publishing House

Перевод Александра Шабрина

Иллюстрации Чарльза Весса

Дизайн Елены Куликовой

FAN|ZON

© А.С. Шабрин, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Джанет затормозила мотоцикл на гребне холма и, твердо упершись ботинками в грунт, осмотрела пейзаж покатою, уходящей широкими волнами равнины с ломкой травой по колено.

Не без труда удерживая равновесие тяжелой машины, девушка заглушила мотор и во внезапно наступившей тишине неуютно ощутила, что в этом странном мире совершенно не слышно ни птичьего щебета, ни тихого бормотанья телевизора в чьей-нибудь комнате, ни даже шума далекой машины. Лишь легкий ветерок шевелил сухую траву, отчего травинки, задевая друг друга, издавали немолчный сухой шелест – единственный звук, нарушавший глубокую тишину этой жутковатой равнины.

Всюду, куда ни глянь, виднелось лишь неохватное море безжизненной травы с вкраплениями почернелых деревьев, а в самой дали местность окаймляла темная скалистая гряда.

Бледный серп месяца на сумеречно-синем, усыпанном золотыми искорками звезд небе мягко освещал окрестность, еще заметней оттеняя шоколадистость кожи Джанет.

Внезапно закашлявшись от неожиданно за клубившегося вокруг нее едкого дыма, Джанет обернулась, окинув взглядом место, откуда она приехала и где сейчас стелилась длинная черная лента обугленной травы, оставленная мотоциклом. Травинки возле ее ног все еще тлели.

– Да чтоб тебя! Если это Страна Эльфов, то треклятая королева могла бы ее хоть как-то обихаживать. Бардак сплошной!

От еще одного приступа кашля глаза ей зажгли слезы, а на лице ощущался маслянистый след. Вытерев глаза тыльной стороной ладони, она прищурилась в сумрачную даль.

«Черт, куда они делись? Должен же здесь быть хоть кто-то!»

Поморщившись от усилий, Джанет еле выровняла недюжинный вес мотоцикла. Серdito запустив мотор, она рванула по бескрайней равнине, сопровождаемая лишь огнистым выхлопом и черным следом, стелющимся сзади.

1

Двенадцатью днями ранее

Появление того человека первым заметил Джефффри. Стоял тихий субботний день, и мальчуган слонялся по своему излюбленному пятачку – в отделе сладостей, возле газетной стойки, – вожаденно разглядывая пакет ирисок с молочным шоколадом. Колокольчик над дверью, звякнув, возвестил о новом посетителе, и Джеффф вскинул глаза, надеясь увидеть кого-нибудь из своих приятелей с лишней монеткой. Там стоял парень в длинном кожаном плаще со стоячим воротником и ослепительными пуговицами, всем своим видом возвещая, что он явно неместный – можно сказать, с громкостью рупора на захолустном стадионе.

Когда незнакомец заговорил с мистером Графerti, владельцем магазинчика, его акцент был таким густым и вязким, что, по разумению Джеффа, в нем бы застрял даже самый наточенный нож бабушки, которым она разделявает воскресное жаркое. Скуку словно рукой сняло, и мальчуган буквально выскочил за дверь в поисках своих приятелей.

К счастью, те болтались поблизости, а потому все впятером последовали за незнакомцем, когда тот вышел из магазина, и тянулись за ним до самого конца тротуара на деревенской окраине. Там ребята остановились, не уверенные, сулит ли эта новая игра какой-нибудь выигрыш. Но замысловатая оснастка на длинном кожаном плаще незнакомца и его сверкающие серебряные пуговицы выглядели настолько неземными, что буквально звали идти следом. Сорванцы так и сделали, проделав весь путь по асфальтовой дорожке к заброшенному имению в нескольких километрах от деревни.

Поначалу они держались на некотором отдалении (а вдруг таинственный незнакомец рассердится на их подначки или случайный камешек, который они нет-нет да и пуляли, целясь в его высокие кожаные сапоги). Но как только до них дошло, что ему нет до них никакого дела, они осмелели в своем озорстве.

Их мальчишеское упорство, казалось, окупилось, когда незнакомец остановился перед массивными ржавыми воротами старого дома Линнов. А затем у мальчишек и вовсе перехватило дыхание: пошарив в одном из притороченных к широкому поясу подсумков, незнакомец извлек оттуда ключ. Каким-то образом каждый из юнцов подспудно осознал, что тяжелый резной ключ, который незнакомец сейчас держит в руке, принадлежит ни к какой иной двери, кроме этой.

Вставив его в здоровенный металлический замок, бурый от ржавчины и в пятнах птичьего помета, человек какое-то время тужился, но повернул-таки ключ. Створки ворот с протяжным железным стоном разошлись под восторженное улюлюканье ребятни.

Само собой, каждый из них слышал сотни разных историй о поместье Линнов от родителей или их друзей за неспешной пинтой пива в пабе. Всем было известно, что перед кончиной последняя из этого семейства, престарелая вдова, выправила какую-то бумагу, которая до сих пор покрывала налоги на эти владения, так что все дальние родственники из Австралии и Канады могли сколько угодно спорить, кто из них претендует на это наследство, но так и не имели законного права сдвинуть с места хотя бы камень. А камни эти постепенно вращались в землю, откуда были извлечены много-много лет назад.

- С меня отец шкуру спустит, если узнает, что я был здесь.
- А ты не трепись, он и не спустит.
- Вообще смахивает на приглашение, скажете нет?
- Ну да, такого в нашей дыре ни от кого не дожدهшься.
- Даже стыдно камни в окна бросать.
- Если бы здесь хоть одно окошко уцелело.
- Да я так, просто.

– Просто только кошки родят.

Пройдя под их пытливым взглядом в ворота, незнакомец остановился и молча окинул взглядом развалины того, что, должно быть, было когда-то большим, сумбурным особняком из сурового серого камня. Россыпи битого шифера с рухнувшей крыши и разбросанные по двору обугленные балки свидетельствовали о давнем пожаре. Набухшая влагой древесина все еще пованивала гарью, но не она, а обилие плесени заставило чихнуть сначала Джеффа, а затем и Джейми. Оба по очереди вытерли руки о штаны.

Погруженный в раздумья, незнакомец осмотрительно пробрался через завалы к дальней стороне здания и вышел на семейное кладбище с надгробиями, имена на которых настолько выветрились, что едва поддавались прочтению. Здесь он опустился на колени и сдавленно заплакал, чем, признаться, привел малолетних искателей приключений в замешательство.

Этот выплеск чувств вызвал у них неловкость, словно они стали непрошеными свидетелями чего-то непостижимо личного. Особенно Джорди, который сам не так давно лишился отца и, хотя ни словом не обмолвился об этом друзьям, убежал после панихиды к себе в спальню и несколько часов бурно там рыдал.

Джейми, его младший кузен, покачивался на ветке старого тиса, что хозяйски склонился над кладбищем. Увидев, как незнакомец поднимается на ноги, сорванец издал тихий победный клич. Все еще испытывая любопытство, мальчишки последовали за мужчиной, когда тот тронулся обратно к дому. Однако на этот раз он остановился перед низким каменным сараем, окна которого были заложены кирпичом так давно, что иного в деревне никто и не помнил.

А затем, когда незнакомец нащупал и вынул ключ от еще одной массивной двери, всех так и заискрило от возбуждения.

Любой деревенский мальчишка или девчонка, что когда-либо залезали в пределы поместья, неизменно выдумывали небылицы о том, что же хранится в этом сарае, выдавая небыль за чистую правду. Так, местный фольклор утверждал, что внутри спрятано мумифицированное тело брата вдовы, умершего от чашки отравленного чая, поданного ее собственной морщинистой рукой. И вот спустя мгновение после того, как дверь распахнулась и мальчишки, пихаясь локтями, вошли вслед за равнодушным ко всему незнакомцем, все их кровожадные фантазии оказались вдребезги разбиты банальной правдой.

Внутри гараж всего-навсего был заставлен старыми автомобилями – многие без той или иной детали, а иные и вовсе без двигателей, – аккуратно выстроенными вдоль стены. Стояла здесь даже старинная, разложившаяся от сырости деревянная карета; жесткие края ее огромных колес смягчал бархатистый мох, заполняя внутренность мягким ковром нежно-зеленого цвета.

Однако среди всей этой рухляди зияло нечто, плотно обернутое толстой парусиной, словно некий подарок, ожидающий достойного, который придет и возобладаст им. Мужчина с некоторым усилием, слой за слоем, развернул ткань, и постепенно взгляду открылся любопытного вида мотоцикл, явно созданный в давно минувшие времена, но хром его все так же мягко сиял даже в тусклом свете лишнего окон гаража.

К восторгу юнцов, из заплочного мешка незнакомец с решительным видом вытащил кожаный шлем и натянул себе на голову. Мальчишки поспешно расступились, а незнакомец выкатил мотоцикл во двор, после чего в сопровождении эскорта вышел на огороженное поле вблизи от дома.

С первой неуклюжей попытки стало ясно, что незнакомец не знает, как управлять мудреной машиной. А Джорди, чей отец владел в городе автомастерской и пристрастил сына к движкам, решил показать, как завести мотоцикл.

Предвкушая долгий день забав над падениями неумехи с мотоцикла, он послал своего брата обратно в сарай за канистрой с бензином, которую до этого заприметил за дверью. В отличие от всего остального, металлическая канистра выглядела новехонькой и явно не так

давно попала в узники этого сырого узилища; возможно, их время от времени менял управляющий.

Брат с задачей справился, и Джорди, отвинтив крышку, заправил бензобак. Затем, с легкой застенчивостью указывая на каждый элемент управления, он показал мужчине, в какой последовательности надо заводить мотоцикл.

Мотор свирепо взревел, и под длинную отрыжку черного дыма из выхлопных труб человек на черном чудище рванул с места. Джефф и Джорди побежали к выбранному ими для наблюдения местечку на стене. Джорди, гибкий и проворный, без труда вскарабкался на общий намест, откуда посмотрел вниз на умоляющее лицо друга.

– Эй, а я?

– А ты? Ладно, давай клешню.

Крякнув от усилия, он втащил наверх грузноватого товарища.

– Уф-ф! Джефф, чтоб не отставать, перестань лопать каждую печеньку, которую тебе сует бабушка.

Джефффри устроился на шершавом от лишайника камне, после чего ответил:

– Нашел дурака. Они же просто божественные. Нет, ну правда! – плаксиво взмолился он, видя укор на лицах друзей.

– Жиртрес, тут толстякам не место: не вмещаются.

– Да? Кто тебе сказал такую фигню?

– А ну тихо! – пресек болтовню Джорди. – Заткнись. Сейчас пойдет потеха.

Пять голов резко повернулись, оглядывая несколько акров стерни от какой-то давней жатвы; здесь вот-вот должно было развернуться настоящее представление. На поле, окруженное каменной стеной, на которой они сейчас сидели, можно было попасть только через узкую дверь, в которую они сюда прошли, и покосившиеся деревянные ворота, с которых давно сошла краска, некогда украшавшая их поверхность.

К вящему восторгу зрителей, седок то и дело срывался со своего мощного мотоцикла, так что вскоре с ног до головы заляпался грязью и клочьями травы, а земля вокруг усеялась рубчатыми следами от шин. Спустя изрядно времени, вновь ставя ногу на переключатель скоростей, парень устало поморщился глумливому хохоту юнцов.

– Ох! – кудахтал сквозь спазмы смеха Джефффри. – Ой! Дурацкие шоу по телику даже рядом не стояли!

Но всему хорошему приходит конец, и настал момент, когда ребята забеспокоились, как на их долгое отсутствие отреагируют мамы. Поэтому они с облегчением захлопали в ладоши, когда бедолаге наконец удалось завести свою машину и проехать на ней через поле прямо под ними. Осмотрительно вырулив через открытые створки ворот, он махнул рукой в знак благодарности за помощь.

А ребята, когда рокот мотоцикла стих вдали, с ухмылкой переглянулись. Улыбки эти держались на их лицах еще долго после прихода домой.

* * *

Томас Линн отер с глаз грязь и, крепко сжав рукояти на руле своего огромного металлического коня, сосредоточился на осмотрительной езде по странной поверхности, устилающей дороги этого неведомого мира. Одной рукой в перчатке он мимолетно коснулся медальона у себя на шее. При этом Томас вспомнил напутствия старой колдуньи из Страны Летних Сумерек, которая подарила ему эту вещицу: «Надень. Он будет направлять тебя в твоём поиске. Когда-то этот медальон принадлежал твоей Королеве. Он и выведет тебя к ее потерянному «я», если будешь внимать тому, что он тебе говорит».

Действительно, Томас весь день чувствовал притяжение кого-то или чего-то, исходящее от города, что теперь виднелся на горизонте, далеко за вересковой пустошью. Огни города вкрадчиво манили, словно переливчатые камни диадемы на челе самой Леди.

Света в небе оставалось ровно столько, чтобы видеть, как далеко по дороге в никуда навстречу ему несутся плотные, мутно-синие тучи. Все еще покрытый коркой грязи и травы того скорбного поля, он приветствовал грядущий потоп, желая очиститься и благоухать к моменту встречи с тем, что так властно к нему взывало.

Холмистый рельеф вокруг казался мучительно знакомым, но нагромождение зданий, сгрудившихся на его поверхности, смотрелось неуместным и уродливым. По мере того, как он встречал все больше и больше странных металлических машин, стремглав несущихся мимо – иные совсем рядом, – Томас заставлял себя воспринимать их как вполне ожидаемую часть этой странной новой реальности.

Впрочем, встречались ему земли и пострашнее этой, поэтому он подался навстречу ветру и, ощутив первое касание дождя, улыбнулся.

2

Чик!

Джанет увидела в зеркале, как на ее ярко-алых губах заиграла кривая улыбка, подчеркивающая теплый смуглый цвет кожи. Все еще злясь на отца, девушка нахмурила брови, и ее глаза потемнели от кипучего гнева.

Вжик!

– Скоро съедутся гости!

Чик!

– Надень что-нибудь попрличней и, ради бога, приведи в порядок волосы!

Вжик!

«Может, просто сказать ему, что у меня очередной приступ?»

О нет, папа, я опять упала в обморок... Вот так взяла и брякнулась с кровати прямо в своей треклятой комнате».

ЧИК!

«Надо смотаться из этого чертового дома. Немедленно!»

Из-под растрепанных пучков волос, торчащих из ее свежестриженной головы, карие глаза Джанет с любопытством оглядывали «новую» себя.

– Что ж, – прошептала она. – Возможно, не мешало найти более подходящую машинку для стрижки. Папочка небось взвояет, когда увидит меня в таком виде.

Ножницы она положила на мраморную доску перед туалетным столиком, дивясь невиданному количеству того, что ее сейчас окружало. На плюшевом ковре возле ног топорщился целый холмик того, что еще минуту назад было густыми черными волосами, которые она носила столько, сколько себя помнила.

«Интересно, что бы сказала мама.

Это если бы я вообще знала, кто она такая. То есть если я **ВООБЩЕ** когда-нибудь с ней встречусь...»

Джанет встала и натянула кожаную курточку. Куртка была новой, черной и слегка великоватой, но Джанет нравилось, как она выглядела. А особенно, какое ощущение она ей придавала.

Снова посмотрев в зеркало, Джанет с восторгом увидела там молодую девушку, вызывающе уставившуюся на нее из тусклой, безжизненной комнаты с тяжелой мебелью из темного дерева, кремовыми стенами и кроватью под балдахином, которая всегда занимала больше места, чем следовало. В этой самой комнате Джанет прожила всю свою жизнь, даже не прикладывая руку к тому, как она выглядела.

«Этот ублюдок все еще думает, что я его маленькая девочка!»

Их последняя ссора началась с того, как Джанет, вернувшись домой, обнаружила, что ее новая картина исчезла со своего места на стене ее спальни. Несколькими днями ранее она шарилась на чердаке, разбирая нагромождение коробок в бесконечных поисках каких-нибудь следов своей матери, и обнаружила небольшую картину, обернутую несколькими слоями пыльной ткани, среди кучи бессмысленных безделушек. Аккуратно размотав матерчатую обертку, Джанет поразились увиденному и немедленно поместила холст над своей кроватью, заменив унылую абстракцию, которая исконно там висела.

Новая красочная картина действовала на нее благотворно, с ней хорошо засыпалось, и этим утром при виде нее губы Джанет тронула улыбка. И вдруг ни с того ни с сего картина исчезла. По какой-то причине она привела в бешенство ее отца, что само по себе было приятно. Однако ярость, исказившая его лицо, когда Джанет упрекнула его в «похищении», удивила даже ее. В ответ на требование вернуть картину отец прогремел:

– Эта картина, начатая с того, была не твоя!

– Но я...

– Говорить тут не о чем! Я ее уничтожил.

– Уничтожил?

Вскоре они уже безудержно вопили друг на друга.

В очередной раз.

Спор наконец закончился, когда Джанет хлопнула за собой дверь отцовского кабинета сразу после того, как отец потребовал, чтобы она привела себя в порядок к его званому ужину.

«Я мирилась со всем этим дерьмом целую вечность, хватит это терпеть!»

Она взглянула на широкое эркерное окно, занимающее почти всю дальнюю стену спальни. Если бы не крошечная тьма на улице, там бы виднелся тщательно обихожженный простор отцовского поместья, которое в последние годы больше ощущалось тюрьмой, чем домом.

«Если я останусь здесь, то никогда не вырасту. Никогда. **ВООБЩЕ** никогда!»

Сердитый, нетерпеливый взгляд Джанет остановился на насквозь знакомой картине, снова висящей сбоку от ее огромной бежевой кровати.

«Тоска. Как это меня достало!»

На том новом полотне была изображена крохотная фигурка рыцаря в причудливых доспехах на фоне пейзажа, исполненного невероятных красок, что мерцали под мягким сумеречным небом в блесках бесчисленной россыпи звезд. Ей так страстно желалось стать частью той красоты.

«Да пошел ты, папочка!»

Безотчетным движением Джанет подалась вперед, нагнулась и сгребла жесткие спутанные пряди состриженных волос в мусорную корзину, которую держала под мышкой. Повернувшись, она направилась к двери и там замерла. Свободная рука на секунду зависла над выключателем.

– Прощай, комната, – шепнула Джанет перед тем, как погрузить ее в темноту.

Стараясь выглядеть увереннее, чем есть на самом деле, Джанет последовала на доносившийся снизу мерный гул разговоров и поспешила по широкой винтовой лестнице туда, где у отца на первом этаже проходила вечеринка из разряда «официальных». Перед тем как войти в большой зал, девушка слегка замешкалась и заглянула внутрь, как будто за дверьми таилась какая-то коварная чужеродная среда, которой вечеринка, собственно, и являлась.

Высокий сводчатый купол зала возвышался над изысканной меблировкой и богатыми панелями стен, на которых через определенные интервалы располагались яркие абстракции в рамках из блестящего металла. Зал заполняли элегантные молодые мужчины и женщины. В отличие от Джанет они были облачены в приличные вечерние костюмы – мужчины в смокингах, а женщины в дорогих на вид платьях, напоминающих мантии.

«Небось, каждая тянет больше месячной зарплаты».

Отец стоял посреди людного зала, непринужденно развлекаая своих гостей. Джон Рэйвенскрофт был высок и по-прежнему статен, хотя уже склонялся в сторону полноты; от него все так же исходила необузданная энергия, замешанная на естественном ощущении своего превосходства. Когда Джанет наконец прошла к нему через толпу, его взгляд сразу же упал на ее свежестриженные волосы.

Он раздраженно вздохнул:

– Джанет, ну что ты вытворила на этот раз?

На что она ответила:

– Ничего такого, чего не пора было сделать давным-давно.

Затем его глаза прошли по ее курточке, рваным джинсам и алому слогану на черной футболке: «Just do it».

Лицо отца исказила еще большая угрюмость.

Большинство гостей, так или иначе наслышанных об экстравагантных выходках Джанет Рэйвенскрофт, нервно отступали в сторону, позволив ей беспрепятственно пройти к отцу, держа смуглое лицо чуть внаклонку. Подойдя к нему настолько, что почувствовался запах его одеколона, Джанет воскликнула:

– Это тебе! Тебе всегда так нравилось...

И разом высыпала содержимое корзины на его затейливо украшенные итальянские кожаные туфли. Остриженные волосы рассыпались по ковру возле его ног. Посмотрев вниз, Рэйвенскрофт-старший негодуя хмыкнул и сделал шаг назад, сбрасывая темные жесткие пряди. А когда поднял глаза, то увидел улыбку дочери, а затем пущенную на пол мусорную корзину, которая упала на ковер с глухим стуком, подчеркивая сердитость ее возгласа:

– Считай это прощальным подарком, дражайший папочка!

Джанет повернулась и выбежала из зала, пересекла помпезный вестибюль и вышла через парадную дверь, небрежно оставив ее открытой. Рядом с подъездной дорожкой тесным кольцом стояли мужчины и женщины, вышедшие на холодный осенний воздух покурить. Они с любопытством проводили взглядами Джанет, которая запрыгнула в свою машину – припаркованный в самом конце стоянки красный «фerrари» с откидным верхом. Ключи уже были в замке зажигания, поэтому она лишь завела двигатель, включила передачу и устремилась по длинной подъездной дорожке к массивным воротам въезда в поместье Рэйвенскрофта.

Ворота были открыты, пропуская кого-то из припозднившихся гостей. Джанет пронеслась мимо напуганного водителя на длинную подъездную аллею, которая выходила на людную улицу.

В зеркале заднего вида девушка увидела своего отца со вскинутой рукой. Можно было представить, как он там кричит:

– Джанет, вернись сию же минуту!

Она качнула головой, с приятной непривычностью ощущая прохладу ночного воздуха, обдувающего ее остриженную голову, и выкрикнула через плечо так громко, как только могла:

– Да ни за что на свете!

3

Несколько часов спустя Джанет нетвердой походкой брела по пустынной улочке в центре Инвернесса. По обе стороны тянулись припаркованные машины, а за ними стояли обшарпанные дома с конторами и магазинчиками на первых этажах, плотно запертыми в столь позднее время. Время от времени сверху наплывали пятна света от уличных фонарей, напитывая городской пейзаж своей хилой натриевой желтизной. Ночной холодок сдабривала вонь от непомерного числа переполненных баков. Не глядя по сторонам, Джанет вела углубленную одностороннюю беседу с каждой из припаркованных вокруг машин.

«Перебрала чутка. Алкашка из меня совсем никудышная. Ну и пошло... бррр! В основном...»

На лице Джанет тенью отразилась улыбка, и без напускной хмурости ее черты сразу же смягчились.

«Кажется, плеснула кому-то в мордашку? Ничего. Папиному подручному даже полезно. Он-то думал, что отвезет меня обратно в замок для моего же блага. Как пить дать. Вот я и дала ему хлебнуть».

Джанет с сожалением погладила продранный рукав своей новой кожанки.

«Здорово я от него ноги сделала, прямо из окошка в сортире».

С нетрезвым смешком она подошла к глянцево-спортивному авто и села на капот, слегка его прогнув. Джанет накренилась к машине, припаркованной рядом с ее «феррари», и прошептала:

– Ха! Да ладно. Это ж мое, подарок от дорогого папика, разве не понятно? Взяточка, больше похожая на...

Джанет затуманенным взглядом оглядела тусклое сияние раскинувшегося вокруг города и вздохнула.

– Уродливый, как не знаю что, весь как есть.

Затем она уставилась в маслянистую лужу непосредственно у себя под ногами и, ловя в ней изменчивую рябь отражения уличного фонаря, снова вздохнула.

– Хотя чего уж тут. Здесь я живу... уже привыкла.

В эту секунду раздалось громкое, настойчивое жужжание. Кусочек из ее любимой на сегодня песни звучал из внутреннего кармана куртки, растворяясь в ночном воздухе. Джанет нащупала мобильный и прищурилась, вглядываясь в экран:

– Ого. Какой сюрприз. Послание от его высочества.

Приложив руку ко лбу, она изобразила притворный обморок: «Вернись. Возвращайся домой. Я сделаю для тебя все, дочь, только вернись».

Даже не глядя на экран, Джанет продолжала отвечать на отправленную отцом эсэмэску голосом все более высоким и громким по мере того, как наружу вырывались сбивчивые мысли:

– Зачем ты забрал мою картину, старик?! Скажи, зачем? Тебе и ответить нечего. Ну а как насчет нескольких добрых словечек? Может, обнимемся на ночь? Или просто побудь рядом, когда я в этом нуждаюсь. Так нет же. – Она понизила голос, изображая голос отца: – «Нет, этого я не могу, дорогуша, я занят!» Тогда будь добр, скажи, где моя мать? Придурок!

Она сердито смахнула со щеки слезу.

«Я просто хочу ее увидеть... Хочу поговорить со своей собственной, черт возьми, матерью... Мне так много нужно ей рассказать. Только из-за моего отца этому никогда не бывать!

По крайней мере, я почти уверена, что она все еще жива. Если бы с мамой случилось что-нибудь серьезное, он бы ведь сказал? Разве нет?»

Подняв лицо, Джанет выкрикнула в ночной воздух:

– Отец, ты бы ведь об этом мне сказал, разве нет? Разве нет?!

Внезапно ее внутренний монолог прервал шершавый голос:

– Эй. Глянь, какая смугляшка нам досталась.

Джанет соскользнула на тротуар и, неловко обернувшись, увидела, что к ней приближаются двое парней.

– У тебя какие-то терки с твоим стариком, лапуля?

Ближайший уличный фонарь ясно высветил их обоих. У первого, с неказистым ирокезом, череп густо покрывали партаки, исчезая под облезлым кожаном. Второй был дылдой с лоснистой иссиня-черной кожей и кадыком таким острым, что впору им что-нибудь резать – например, бумагу. Длинные дреды кое-как заправлены под мешковатую шерстяную шапку.

«Боже, Джанет, как же ты их не заметила!»

Страх и адреналин вмиг разорвали плотную завесу алкоголя, гасившую до этого мысли.

«Сейчас бы сюда одного из папиных помощников... Только ты ведь бросила его в баре!»

Дылда с грязными дредами осклабился, обнажив во рту пеньки зубов. Он подался к Джанет, обдав ее затхлым перегаром.

– О, телефончик-то симпатный.

– И правда клевый, – хихикнул его напарник

– Сейчас, наверно, уронишь. Дай лучше сюда.

– У нас тут надежней.

– Да и сама давай к нам...

Джанет словно в ступоре наблюдала, как дылда небрежно подносит к ее лицу длинное лезвие, остро сверкнувшее в свете фонаря. А у его напарника в кулаке вдруг объявилась монтировка.

Джанет отчаянно подкинула вверх свой мобильный и, рванувшись, во весь дух припустила по улице, лихорадочно нащупывая в сумочке баллончик «перечника», а еще лучше ножик, который обычно таскала с собой.

«Они где-то здесь... Вот же лежали...»

Казалось, подкинутый телефон отвлек ублюдков, но уже скоро за спиной послышался быстро приближающийся перестук их ботинок по тротуару. Еще немного, и от них уже не скрыться. Джанет яростно перебирала содержимое сумочки. Наконец, отодвинув в сторону ключи от машины, она нащупала спасительный «перечник».

«Вот!»

Спеша вытащить баллончик, Джанет на бегу свернула за угол и буквально врезалась в молодого человека, сидящего на здоровенном мотоцикле. «Винсент Блэк Лайтнинг 1952». Его мотор нетерпеливо урчал. Водитель выровнял махину и улыбнулся Джанет, глубоко вглядываясь в ее темно-карие глаза.

Джанет же, не в силах оторвать взгляда, вдруг позабыла об опасности, таящейся в неприглядном городском пейзаже; мир вокруг словно сместился со своей оси. Утопая в мягком взгляде этого человека, она впервые в жизни ощутила себя в полной безопасности.

При этом ей безотчетно вспомнился рыцарь с похищенной картины.

«Надо же. Похож как две капли...»

В это мгновение стук тяжелых каблучков за спиной рывком вернул ее в мир, полный ночных громил и равнодушных отцов. Красавец на мотоцикле, однако, не обращал на ее преследователей никакого внимания. По-прежнему не сводя с Джанет глаз, он широко улыбнулся и произнес:

– Мой благородный конь к вашим услугам! Соболаговолите?

Джанет инстинктивно вспрыгнула на сиденье, крепко обхватив талию молодого человека. Мотор взревел, и железный конь безудержно пронесся между двумя преследователями, разгоняясь вверх по улице.

Выгнув шею, Джанет смотрела, как незадачливые воры быстро уменьшаются в размерах; из горла у нее вырвался радостный, залихватски-победный вопль.

Внезапно впереди из-за припаркованных машин выскочил кто-то коренастый – прямо на мотоцикл, пытаясь на лету схватить Джанет. Но ее все еще безымянный спаситель сноровисто вильнул в сторону, накренив своего коня, и легко обогнул протянутые руки злоумышленника. Когда тот споткнулся и упал на колени, Джанет узнала в нем охранника, от которого сбежала ранее в баре, и радостно выкрикнула:

– Быстрее! Гони!

Мощный железный скакун на скорости пронесся между несколькими встречными автомобилями, унося своих седоков к безопасности. Все еще смеясь, Джанет повернулась к своему спасителю и несколько мгновений изучала его профиль, когда он сам повернулся посмотреть на нее. Тогда же она увидела, что его кожаный шлем не похож ни на один тех, что она видела прежде. Искусно выполненный, он плотно облегал голову и был открыт над глазами и ртом, больше походя на убранство средневекового рыцаря, чем на обычный громоздкий шлем байкера.

Спаситель заговорил достаточно громко, так что было слышно сквозь бодрящий шум дороги и ветра:

– Куда велите вас доставить?

Уютно припав щекой к спине его плаща, Джанет расслабилась. Плащ сладковато пах неизвестными травами, которые успокаивали ее взбудораженные нервы. Лицо Джанет расплылось в задумчивой улыбке, и она бесхитростно сказала:

– Езжай. Просто езжай, и все.

– С превеликим удовольствием.

4

Мотоцикл скользил мимо ярких огней встречных машин, а холодная свежесть ветра обдувала оголенную кожу головы. Джанет чувствовала, как ее прежняя жизнь растворяется, исчезает. В это мгновение она была уверена, что все будет хорошо.

«Но ведь это безумие. Я даже не знаю, кто этот человек и куда он меня везет!»

Крепко обвив руками талию своего спасителя, она исподтишка его рассмотрела. С первого взгляда он казался достаточно красивым: яркие темные глаза, высокие скулы. На руках его длинного кожаного плаща, хлопающего, будто крылья ворона, трепетали от ветра кружевные манжеты. Из-под кожаного шлема выбивались длинные темно-каштановые волосы, стянутые сзади красной шелковой лентой. Внезапно сердце Джанет екнуло, и ей пришлось унять в себе мысль о том, как выглядели бы эти волосы, не сдерживай их лента.

«Вот же черт, я пропала в его взгляде, словно в омуте, и никак не могу выбраться...»

Город остался далеко позади, и мотоциклист наконец остановился на краю поросшей вереском пустоши и заглушил двигатель. Справа по ходу едва угадывался смутный изгиб древнего каменного сооружения. Пейзаж вокруг погружался во тьму, освещенную лишь усеянным звездами небом.

Поняв, где они находятся, Джанет улыбнулась:

– Эй, а я это место знаю. Вон там старый мост, за которым начинается древняя Тропа Якобитов¹. Если туда пойти, то можно набрести на каких-нибудь призраков в тарганах² – их там тьма-тьмущая; а еще в тех краях вечно щемится молодежь.

Тщетно пытаясь сдержать дрожь от сыроватой ночной прохлады, Джанет подалась ближе к своему спасителю:

– Минимум из того, что я, наверно, могу сделать, это представиться моему галантному спасителю.

Молодой человек обернулся к ней, и на его затененном лице она разглядела улыбку:

– Если вам это по нраву.

– А то. Может, и вправду понравится. Джанет Рэйвенскрофт. Спасибо, что спас мою задницу.

Молодой человек слез с мотоцикла и, повернувшись к девушке лицом, учтиво поклонился.

– Рыцарь всегда должен быть бдителен к опасностям на расстилающихся пред ним дорогах.

– Вот как? – Джанет с улыбкой качнула головой. – Ты прямо как в сказке, метишь стать моим рыцарем в сияющих доспехах.

– Быть может. А я, стало быть, имею честь огласить вам и свое имя. Томас Линн, к вашим услугам.

Джанет неловко пожала плечами.

– Томас. Звучит как-то официально. Могу я звать тебя просто Том?

– Под сим именем я тоже бывал известен.

– А почему у тебя такой говор, будто ты только что сошел с экрана «Принцессы-невесты»?³

– Миледи, я...

¹ Приверженцы изгнанного в 1688 году английского короля Якова II, сторонники восстановления на престоле дома Стюартов.

² Клетчатый орнамент из горизонтальных и вертикальных полос, формирующий основу шотландских килтов.

³ «Принцесса-невеста» – приключенческий фильм-сказка по одноименному роману У. Голдмена (1973).

– Гляньте на него! Ну прямо точно оттуда. Так, между прочим, нынче никто не разговаривает. От слова «вообще».

На лице Тома мелькнула досада:

– Там, откуда я родом, таковым образом изъясняются все.

– Да ладно, я понимаю, это какая-то игра... Может, скажешь, в чем она состоит?

– Смею заверить, это никоим образом не игра.

Какое-то время они неловко смотрели друг на друга, пока Джанет, взявшись за руку Тома без перчатки, не слезла с сиденья мотоцикла. И тут ее глаза изумленно распахнулись, поскольку мир вокруг странным образом преобразился и замерцал. Чернота ночи внезапно смягчилась до сумерек, а звезды над головой запульсировали в такт учащенному биению ее сердца. Поразительна была интенсивность и насыщенность цвета, которым теперь была напитана каждая веточка вереска, каждый камень и деревце вокруг, а в особенности так близко стоявший от нее человек.

Здесь, в этом странном новом мире, глаза Томаса, казалось, светились.

От этого мощного прилива ощущений, а также после нескольких стопок виски, которые она по неосторожности опрокинула вечером в баре, Джанет беспомощно обвисла на своем новом знакомом.

* * *

Томас Линн грациозно опустил бессознательную смертную девушку прямо на вереск возле своих ног, не имея ни сил, ни желания отвести свой взор от ее прекрасных, смягченных сном черт.

Больше всего его удивила и восхищала ее насыщенная смуглая кожа. Его собственная, бледная как алебастр от долгого обитания в краю, освещенном лишь светом луны, составляла с ней разительный контраст.

Позади, в буйной вересковой поросли и на редких низкорослых деревьях, начали перешептываться и перепархивать с ветки на ветку странные зыбкие создания с небольшими крылышками – фэи. Наконец те, что посмелей, прыгнули наземь и медленно прокрались к Рыцарю и спящей брэнной. Том хоть и чуял их присутствие, но не подал виду, тихо пробормотав себе под нос:

– По-своему она так же прекрасна, как и сама Королева...

– Смотри-ка, дружок, мы все слышим!

Том нетерпеливо повернул голову, показав, что заприметил гостей, и шикнул:

– А ну тихо! Взгляните сами, если думаете, что я лгу.

Оба фэя подобрались ближе и с любопытством уставились на Джанет. Миндалинки их янтарных глаз наполнились растерянным удивлением.

– Томас, а ведь сущая правда!

– Да, ты прав!

– Но та ли она самая, которую ведьма послала тебя искать в такой дали от дома?

Молодой человек продолжал растроганно озирать мягкие черты лежащей без чувств девушки.

– Я почти уверен, что эта брэнная и есть причина, по которой нынешняя ночь застигла меня здесь. Хотя для верности надо проверить.

Том слегка поник.

– Сказать по правде, мне это не по душе. Однако мой долг перед Королевой – единственная цель, по которой я здесь, прежде чем верну Королеву ее стране и двору.

Почесав в затылке, один из фэев с любопытством взглянул на Тома:

– Так вот чем ты здесь занят?

Том с вызовом ответил:

– Да уж ничем иным.

– Ладно зубы-то заговаривать, малыш Томми. Здесь, в землях бранных, ты гуляешь уже не первый день. Только вот по делам Королевы или, так сказать, по наущению старой ведуньи? Ужас как хочется узнать.

Крылатые существа искоса поглядели на Томаса, после чего первый лукаво добавил:

– Место это, надо сказать, весьма унылое. Если не сказать гиблое.

Глаза Тома зажглись внезапным оживлением.

– Вовсе нет! Мои воспоминания об этой земле были несправедливы. Я сам родился невдалеке от этих мест, и моя любовь к этой вересковой пустоши живет в самом моем сердце.

Кивнув друг дружке, словно его слова лишь подтверждали что-то и без того им известное, фэи посмотрели на юношу со своим всегдашним лукавством. Тот, что покрупнее, внезапно ухмыльнулся:

– Ладно-ладно, Томас. Не будем пытаться переубеждать тебя в тех вздорных представлениях, которые ты по той или иной причине вбил себе в голову.

Его наперсник снова поглядел на спящую девушку и поморщился:

– А от этих ее, с позволения сказать, волос ты тоже в восторге?

– Ужас – это лишь полслова.

– Хотя мы могли бы быстренько это исправить.

Но Томас, уже не обращая внимания на болтливых зловред, бережно поднял бесчувственную девушку на руки и понес ее к вершине арочного моста. Там рыцарь осторожно опустил Джанет на камень. Проворно сбросив с плеч свой длинный кожаный плащ, он сложил его в несколько раз и подложил под спящую, как подушку. И пока звезды продолжали свой степенный круговорот по небу, он никак не мог оторвать взгляда от этого брannого, смягченного сном чада земли.

«Ты такая невинная. Позже я попрошу у тебя прощения за то, что скоро произойдет. Но я должен быть уверен, что ты именно та, кого я ниспослан был отыскать».

5

Спустя какое-то время Джанет зашевелилась, неуклюже вскочила на ноги и, увидев оставленный внизу плащ, торопливо его подняла и, дрожа от холода, с благодарностью накинула, прижав для тепла к себе его кожу руками. Затем она огляделась.

Вокруг в предрассветном сумраке смутно различался почти безлесный ландшафт, переходящий в лощины нагорья, где, куда ни глянь, не было ни единой души.

«И хоть бы один, блин, рыцарь на черном гребаном мотоцикле».

– Томас. Том!

Недалеко отсюда находилась небольшая и в этот час совершенно безлюдная автостоянка, от которой участок старого шоссе восходил вверх и через древний каменный мост вел к началу протяженной пешеходной тропы вплоть до национального парка Кернгорнс.

– Том! – выкрикнула Джанет.

Засунув руки в карманы плаща, она принялась расхаживать взад-вперед по короткому пролету моста в попытке расслабить задеревенелые мышцы и разогнать кровь. Однако через несколько минут она снова позвала в темноту:

– Ты меня слышишь? Нашел время для игр, на такой холодрыге! Ты где, блин, прячешься?

Слева, далеко в сумраке, едва проглядывал Инвернесс с башнями его высоток и старинным собором, золотящимся в лучах занимающегося рассвета. Ну а на юге тянулась лишь безбрежность вересковых пустошей, что укатывались вдаль, теряясь в густом вареве сизых тяжелых туч.

«Даже мобильника, чтоб его, нет – некому позвонить и позвать на помощь. Пешком до города тоже не дотопать, слишком далеко. А в такую рань движение здесь нулевое. Так что и с автостопом облом».

Джанет встала посередине моста и издала совсем уж неподобающий для леди рев:

– Том! Томас! Или как там тебя – я, блин, вот она, тут! А ты, чтоб тебя разорвало, где пропадаешь?

«Вот тебе, черт, и рыцарь в сияющих доспехах. Обыкновенный мудака, как и все прочие другие».

Кипя обидой и гневливостью, она схватила случайный обломок камня и со всей силы зашвырнула его в бурлящий внизу поток. Последовавший громкий, в целом ободряющий всплеск на минуту успокоил нервы. Горько рассмеявшись над собой, над миром в целом, но самое главное – над своим нынешним положением, Джанет оперлась обеими руками о грубую каменную кладку и вгляделась вниз, в глубокие тени, все еще густящиеся под арочными сводами моста.

«Мамуль, ну хоть ты подскажи, как быть?»

Джанет поймала себя на том, что, много раз в жизни задавая себе один и тот же вопрос, она всегда представляла себе теплое и любящее выражение лица своей матери. Во всяком случае, какой Джанет себе мать представляла.

«Ведь старый говнюк даже ее фотографии в своем доме не допускает».

Она взглянула на свои тонкие руки, пошевелив в полумраке пальцами, как будто в самом деле могла разглядеть их насыщенный коричневый цвет.

«Хотя одно можно сказать точно: папа настолько белый, насколько это вообще возможно, так что мама, наверное, была темнокожей, как я.

Так ведь?

В любом случае, всегда приятно перемолвиться с призраком того, какой она могла бы быть. Рассказать, какой долболюб мой новый препод, или как чертовски сложно делать домашку по математике, или даже что мне надеть на какое-нибудь там свидание.

Но если бы она действительно жила с нами, в том же доме... смогла бы я обсуждать с ней такие вещи, или же мне почти так же нечего было бы ей сказать, как и отцу?

Конечно, было бы здорово это узнать...»

Невеселые размышления Джанет враз оборвались, когда она скорее почувствовала, чем увидела огромную глыбистую тень, что выбралась из-под каменного моста, скакнула на грубую кладку и теперь маячила впереди. В темени не угадывалось ни единой черты, но что бы это ни было, оно заслоняло собою все звезды.

– Том?

В ответ раздался глубокий, утробный рык:

– Назови пароль или плати пеню!

Слова прозвучали не на английском, а на каком-то диковинном странном наречии, которого Джанет прежде не слышала, хотя поняла каждый произнесенный слог. Джанет опешила. Но по-настоящему запаниковала только тогда, когда обнаружила, что отвечает на том же языке.

– Что? Какой пароль?

– Назови пароль или плати пеню!

– Извините, я не понимаю, чего вам надо.

– Пароль или пеня!

– Ну ладно... Пусть будет «рыба-меч».

– Истинный пароль или пеня!

– А «пожалуйста» не подойдет?

Зловещая тишина подарила время на безумную мысль дать стрекача от того, что представало перед ней в виде тени. Пальцы потянулись к газовому баллончику, но сумка исчезла, а с ней и нож.

Существо, чем бы оно ни было, прочно зиждилось между Джанет и смутной надеждой на безопасность, которую обещала автострада. Единственным другим вариантом было унести в темную пустошь. Нерешительность пригвоздила к месту. Но, вновь заслышав низкое животное урчание, Джанет метнулась вперед, юркнув мимо темного существа в попытке удрать через мост.

Следом раздался мягкий свист воздуха, и камень моста содрогнулся под весом, который на него обрушился. И снова огромный зверь преградил ей путь к отступлению.

– Пароль или пеня!

В ужасе Джанет выпалила:

– Не знаю я вашего чертова пароля!

– Тогда плати пеню!

На мгновение слова невидимого чудища, казалось, зависли в холодном воздухе, покуда их не подхватил ветерок, вкрадчиво коснувшись кожи Джанет, где, перед тем как исчезнуть, он на миг задержался. Джанет вздрогнула. И тут где-то глубоко внутри замысловатое хитро-сплетение воспоминаний о местах и жизнях, о существовании которых Джанет до этой ночи и не догадывалась, вдруг начали оживать и обретать форму здесь, в бренном мире.

Чувствуя, как ее тело содрогается будто от удара, Джанет издала властный, надменный возглас:

– Что мне твоя глупая пеня!

В этот момент не столько тело, сколько разум пошатнулся под натиском какого-то мощного, напористого потустороннего разума, подчиняющего себе все человеческие чувства, которыми она обладала. Некая хищная первородная сила, противостоять которой не может ни один из бренных, вольно и безудержно вливалась в Джанет, принимая новое обличье.

Девушка, которая еще несколько мгновений назад была обыкновенным человеком, теперь взидала иными глазами и видела темное существо во всей его подноготной. Над ней возвышался гигантский вепреподобный зверь, в грубых наслоениях кожи и меха, брюхо которого опоясывал широкий черный пояс, а снизу торчали короткие ноги с раздвоенными копытами. Под налитыми кровью глазками пасть от уха до уха распыливали длинные острые клыки, отчего зверь щерился в оскале.

– Тварь, как ты смеешь требовать пароль от меня? Не узнаешь своей Королевы? И почему ты все еще стоишь? А ну на колени, яви свою покорность!

Глядя под собой на ту, что все еще выглядела как юная смертная девушка, зверь замешкался.

– Ну же!

Прищулив глаза, зверь каким-то образом углядел что-то сквозь обманчивый внешний облик и покорно улегся, припав мордой к каменной кладке.

Когда поверх раболепно застывшего монстра Королева взглянула на другую сторону каменного моста, ее лицо осветила надменная улыбка: там в кожаных доспехах, отшлифованных до темно-красного цвета, стояла знакомая фигура, одной рукой держа шлем, а другой огромный меч.

С губ Джанет непринужденно слетели слова на том же диковинном языке:

– Томас, мой Рыцарь Розы, отчего мы здесь, в этом унылом месте? Где моя зала, мой дворец? Где мои сады, наполненные цветущими розами, столь же алыми, как твоя кровь?

Хотя ни ее бархатистая шоколадная кожа, ни грубая стрижка простой брэнной женщины никак не намекали на царственные знаки, это был однозначно ее голос, ее присутствие. Том пал на колени, широко раскинув руки в жесте крайнего смирения.

– Миледи, я всецело в вашей власти. Какова будет моя участь?

Прежде чем странная повелительница успела ответить, тело, в которое она вторглась, вздрогнуло и стукнулось о борт моста.

– Томас, сюда! – выкрикнула она.

Джанет ни на секунду не прекращала своей неистовой борьбы с разумом, обуздавшим ее волю. А Королева, удивленная яростным сопротивлением брэнной женщины, отступила до поры, наблюдая и изучая свою смертную хозяйку.

Разум, который так легко пограл истинное «я» Джанет, внезапно исчез, оставив ее растерянной и взъяренной, но более всего напуганной. Она истошно провонила в ночное небо:

– Что это было? Кто это был? Кем бы эта сука ни была, она решила, что я под ней прогнусь!

Джанет в полном изнеможении снова рухнула в ждущие объятия Тома. На мгновение она припала головой к его груди, но тут же вспомнила, что случилось, и ее голова упрямо дернулась вверх. В глазах сверкали искры, а гнев жаждал своего утоления.

– Придурок! Какого черта ты бросил меня на этом убогом мосту? Говори!

В своей ярости Джанет не обращала внимания ни на меловую белизну его лица, ни на сумрачность глаз, взирающих на нее с тревожным удивлением. Вместо этого она отвесила ему такую оплеуху, какую только могла.

После секунды ошеломленного молчания он тихо проронил:

– Сознаюсь без утайки: не могу сказать.

В это время Джанет снова уловила присутствие притененного зверя, который до этой поры молча следил за странной драмой, что разыгрывалась перед ним. Монстр пожал валунами плеч, как бы показывая, что видывал на этом мосту вещи и пострашее. Сейчас, глядя на него, Джанет вполне ясно различала его очертания там, где раньше ей просто виделась глыба из тени и тьмы. До нее разом дошло, что чуждое присутствие в ее голове фундаментально изменило ее восприятие внешнего мира.

Как раз перед тем, как эти странные ощущения начали сглаживаться, она оглядела мир, который был теперь окутан не глубокими ночными тенями, а мягкими сумерками с ярким полумесяцем, плывущим высоко в небе.

Существо еще какое-то время с любопытством поглядывало на Джанет, после чего повернулось и, неторопливо перебравшись через закраину каменного моста, исчезло в темноте. С минуту Джанет стояла, глядя на теперь уже пустой мост, и вид огромного черного мотоцикла Томаса, прислоненного к парапету, показался ей чем-то успокоительно обыденным.

– Том, – позвала она, – а что это была за штука... что за мир мог породить такое ужасное существо?

Рыцарь Розы секунду невозмутимо смотрел на Джанет, а после дал совершенно неудовлетворительное объяснение:

– Сие, миледи, был тролль.

– Тролль? В самом деле?

Джанет не сводила с Тома пристальных глаз, пока тот не вздохнул и не дал более подробный ответ.

– Тролль Из-под Моста. Он обитает здесь уже невесть сколько, под этим самым местом. Так было и на прошлом веку, и даже раньше. Он души не чает бросать вызов всем, кто проходит этим путем.

Том попытался обезоружить ее широкой улыбкой. Но ничто не могло ослабить первозданного страха Джанет, что этот потусторонний ум вдруг снова вторгнется и скует ее тело, сделав его абсолютно неподвластным.

– Том, я должна знать, кто или что только что было внутри меня. Я смотрела чужими глазами, а то, что видела, не было этой чертовой Землей... Вот ты, например.

Вспомнив, как Томас стоял перед ней на коленях в доспехах, Джанет нахмурилась:

– Кстати, а где твои рыцарские доспехи? Как тебе удалось снять их так чертовски быстро?

Небрежно пожав плечами, Томас стоял молча, не предлагая никаких объяснений тому, что недавно произошло. Это глубокое, неловкое молчание продолжалось до тех пор, пока не превратилось в почти бездонную яму, которую нужно было так или иначе заполнять. Джанет решила наполнить ее своим гневом, благо его было в избытке:

– Ты, черт возьми, меня сюда притащил, так что ты, наверное, хотел столкнуть меня с этим ужасным зверюгой. Почему?

– Я не желал навлечь на вас вреда и оборонил бы от тролля, если бы пришлось, но клянусь честью, более я не в силах изречь ничего.

– Почему... почему ты продолжаешь так говорить? Нет больше никаких рыцарей, или всяких там дам, если на то пошло. И после всего этого ты все еще играешь в какую-то глупую игру?

Поскольку Том по-прежнему не давал никаких разъяснений, Джанет развернулась и направилась к дороге.

* * *

Не обращая внимания на едкое хихиканье вездесущих фэев, Том последовал за расстроенной смертной девушкой.

Снова почувствовав его рядом с собой, Джанет обернулась. По ее щекам стекали слезы, а губы задрожали в злой усмешке.

– Я на дух не переносу возле себя непонятных мудаков, которым нельзя доверять! В самом деле, что мне остается: жить здесь возле монстра из моего дурного кошмара или каким-то образом отыскать дорогу домой и смириться с чудовищем, которое там живет?

Какое-то мгновение Томас пристально на нее смотрел, после чего неохотно кивнул и наконец заговорил с нотками мрачной обреченности:

– Джанет, ты говоришь правду, по крайней мере, насколько ее чувствуешь. Наши миры разделяет лишь тонкая завеса. Зверь, которого ты видела нынешней ночью, в моем мире столь же обычен, как и металлические звери, заполняющие ваши странно гладкие дороги.

В эту секунду их обоих обдало порывом дождя и ветра, но пригожий рыцарь лишь улыбнулся и продолжал:

– А посему, миледи...

Под быстрым хмурым взглядом на лице своей спутницы он спохватился, стараясь придерживаться ее манеры речи:

– Эту ночь, Джанет, я проведу здесь, на вересковой пустоши, но ты заслуживаешь неизмеримо большего комфорта, чем могу предложить тебе я. Куда ты хочешь, чтобы я тебя отвез?

– Браво! По всей видимости, к моему старому чудовищу, потому что твой приятель-троль меня слишком уж ужасает. – Джанет устало поникла. – Я так устала бороться... с тобой, с моим отцом, со всеми. А ведь все, что меня ждет, если я вернусь домой, так это новые схватки. Нынче вечером я пообещала себе, что покончу с этой жизнью, но теперь... Теперь я не знаю, что еще мне остается.

– Может, тебе просто объяснить отцу, чего ты так искренне желаешь?

Плотно обхватив себя руками, Джанет ответила:

– Он не станет прислушиваться к доводам разума, особенно моим. От него не дождешься.

Понимая ее отчаяние, Том заметил:

– Мне тоже доводилось иметь дело с теми, чья воля глуха к тому, чего могут хотеть или даже в чем нуждаться другие. Вразумить такого человека подчас бывает непросто.

* * *

Взгляд Джанет прошелся по мглистому бескрайнему пространству вокруг, после чего она снова посмотрела на бесстрастное лицо Тома, и по ее губам скользнула натянутая улыбка.

– Я и правда не очень хорошо спланировала свой побег. И уж точно не надо было пропускать те рюмашки для подъема настроения. – Смирившись, она устало махнула рукой. – Ладно, отвези меня домой. Я покажу, как туда добраться.

Не прошло и минуты, как Джанет взобралась на железного коня и обняла сзади Тома. Когда мотоцикл пересек гравийную стоянку и, набирая скорость, выехал на пустынную автостраду, она нежданно для себя вновь уткнулась лицом в широкую спину перед собой, отчаянно пытаясь перебороть гнетущее чувство пустоты, что росло в ней вот уже столько лет. В тот день Джанет поистине ошеломляла уверенность, что она неизбежно утонет в мире, где каждое желание Джона Рэйвенскрофта – непреложный закон.

«Как же мне туда вернуться и не сойти с ума?»

Джанет молча уставилась в проплывающую мимо темную пустошь, а холодный ночной воздух сушил слезы, которых она даже не замечала на своих щеках. Невероятно, но после всего, что произошло между ними минувшим вечером, где-то по краешкам сознания в ней теплом трепетали мысли о мужчине, которого она сейчас так крепко обнимала.

«Так! Я, видно, уже сошла с ума! По какой-то глупой причине он сам привез меня сюда. А ведь мне могло хорошенько достаться, или того хуже».

Странно, но без своей обычной гневливости Джанет чувствовала себя легче, словно ярость была для нее просто обузой.

«Кто же и что же ты, человек-загадка?»

* * *

Рассвет окрашивал серые облака в розоватый цвет, когда Том остановил свой «лайтнинг» перед воротами в поместье Рэйвенскрофтов, и Джанет слезла с громоздкого черного мотоцикла. И она, и Том были так погружены в свои мысли, что оба на протяжении долгой поездки не произнесли ни слова. Немного постояв рядом с мотоциклом, Джанет медленно стащила с себя кожаный плащ, который все это время был на ней. Рука Тома легла ей на запястье.

– Оставь его себе, утро еще холодное.

В ней моментально поднял голову гнев.

– Вот еще. Нужен он мне. Давай забирай!

Томас неохотно принял плащ, сложил его на коленях, а затем сунул руку под рубашку, где, осторожно расстегнув цепочку, снял с шеи серебряный кулон и вложил его, еще хранящего тепло, в ладонь Джанет.

– Тогда, пожалуйста, прими это в знак извинения за все, что ты пережила этой ночью.

Не дожидаясь ответа, Том завел мотор и поехал по длинной, обсаженной деревьями аллее, ни разу не оглянувшись.

– Ой, придурок. Просто конченный, – вздохнула, глядя ему вслед, Джанет.

Лишь после того, как смолк рокот мотора, она посмотрела на то, что сжимала в своей ладони. Это был изящный серебряный кулон с красиво выгравированной розой, оплетенной шипами. Джанет крепко стиснула кулон в ладони и поморщилась от подступившего к горлу комка.

«К черту его, если он думает, что купит мое прощение какой-то побрякушкой».

Повернувшись к высоким железным воротам в поместье отца, Джанет уже собиралась набрать код, но рука словно зависла в воздухе. Сквозь массивные прутья виднелась длинная подъездная аллея, и даже сквозь густую утреннюю дымку над безупречно ухоженной лужайкой вдали проглядывал темный массивный дом, в котором она выросла. В холодном утреннем воздухе на лбу девушки выступили росинки пота.

«Нет... Нет... Нет!»

Просто не буду этого делать, черт меня подери.

Хорошо, мисс Джанет, попробуем еще раз. Я должна сбежать из этой чертовой тюрьмы, так что... Мне нужна машина».

Джанет повернулась к воротам спиной, но не раньше, чем показала дерзкую фигуру из пальцев камере слежения, которую отец наверняка будет просматривать изрядно после того, как она скроется из поля зрения.

– Увидимся, папуля.

«Может, если гнать на пределе, то все чертовы монстры останутся позади?»

В это мгновение она замерла как вкопанная: все ее тело насквозь, волна за волной, пронизывали спазмы острой боли. Отчаянно хватая ртом воздух, Джанет отшатнулась от массивных железных прутьев. Непосредственно перед тем, как потерять сознание, она крепко зажмурилась: цвета всех предметов вокруг усилились настолько, что любому нормальному человеку просто невольно было удерживать на них взгляд. Ошеломленная, она неуклюже растянулась на асфальте и лежала в забытии, не замечая, как вверх по горизонту медленно и невозмутимо восходит солнце.

6

Позднее тем же утром, далеко в глубине вересковой пустоши, среди небольшого круга покосившихся дольменов стоял Томас, опершись спиной о грубую неровную поверхность самого высокого из них. Погруженный в раздумья, он недвижно смотрел на громоздкий черный мотоцикл, прислоненный к камню напротив.

«Приноровившись, я освоил езду на этой странной железной машине не хуже, чем на любом живом коне. И здесь, в этом мире, она однозначно привлекает меньше внимания, чем это бы делал могучий боевой конь.

Хотя, не будь во мне природы человека, металл, из которого он сделан, сжигал бы мою плоть и изводил силу, пока я не почел бы за благо умереть».

Над Томасом и окружающим его бесприютным простором яростно завывал ветер, насылая впереди себя зловещие тучи, готовые вот-вот хлестнуть студеными водяными струями по буйным травам, что морями разливались по волнистым полям. Однако внутри каменного кольца воздух был тепел и спокоен, каким он всегда бывает для тех, кто умеет с ним обращаться.

«Когда я впервые ступил через эти каменные врата обратно в породившее меня царство смертных, жар солнца приветствовал меня как давно забытого друга.

Простая радость прогулки по этому некогда знакомому простору, который на протяжении сотен лет питал мой народ, пробудила во мне такое томление, что я загорелся желанием хоть немного задержаться среди его чудес».

Томаса настолько пленило это любопытство, что у него мелькнула мысль украсть где-нибудь лошадь, для удобства перемещений. Но мысль о низменности такого поступка тут же охладила его пыл. И поэтому, когда Томас обнаружил мотоцикл в своем родовом гнезде и ребят, которые охотно показали ему, как им пользоваться, он был удивлен и растроган. Эта находка походила на подарок, оставленный там специально для него.

«На большее нельзя было и уповать».

Заботливость того неизвестного и неназванного члена семьи несколько развеяла тьму, сгустившуюся было над его мыслями при разглядывании каменных надгробий отца, матери, да и всего его семейства. Отметины времени и погоды, сказавшиеся на сохранности надгробных надписей, давали некоторое представление о том, сколько времени минуло с тех пор, как он в последний раз гулял по этим холмам.

Внезапно воспоминание о ярких чертах лица Джанет прояснило его мрачные мысли.

«Когда ее не снедал гнев, тепло ее глаз... насыщенный цвет ее кожи... смотрелся таким контрастом с атласно-золотистой красотой моей Королевы...»

Он виновато затеребил кустик вереска у основания самого высокого из стоячих камней.

– Возможно, мне не следовало подвергать брентную девушку такому испытанию. Не лучше ли привести ее в Летние Земли, прямо этой же ночью? Ведь не зря говорят: скорее сделаешь – быстрее исправишь.

Глядя в продуваемое ветрами небо, где неслись, бесовски изгибаясь, космы туч, Томас снова услышал слова старой колдуньи, когда нашел ее там, среди жуткого запустения на месте дворца, бывшего когда-то священным домом его Королевы.

* * *

– Томас Линн, Рыцарь Розы, отчего ты, в небрежении к своей присяге, столь долго отсутствовал? Отчего тебя не было здесь, дабы предотвратить пагубу, кою ты сейчас зришь всюду вокруг нас?

Горький стыд наполнял его сердце, когда он ссылаясь на причину своего продолжительного отсутствия:

– Разве не является моим же долгом радеть о ее королевстве, охраняя его обширные пределы и искореняя любое злочинство или несправедливость, буде они там выявлены?

В ответ колдунья ожгла его взглядом из-под своих кустистых бровей.

Обводя разруху жестом, рыцарь воскликнул:

– Ведомо ль тебе, карга, откуда взялась эта напасть? Что за злосчастье навлекло такие бедствия на юдоль моей Королевы?

Старуха тихо рассмеялась надрывности в его тоне:

– Сэр Рыцарь все еще говорит о ней, как о своей королеве. Даже после того, как сам уж давно покинул и ее, и их любовный альков.

Нахмутив брови, Томас упрямо возразил:

– Но я отсутствовал совсем недолго.

В ответ старая ведунья лукаво усмехнулась:

– Кому, как не тебе, ведомо, что время течет по-разному на границе между Страной Летних Сумерек и любой другой. – Устремив на него свой холодный взгляд, она продолжала: – Течет, перескользя с одной стороны на другую. Но эхо одного-единственного часа там может отзываться здесь снова и снова, покуда луна этой земли медленно входит в свою полноту. Мгновение там может длиться вечность здесь.

Томас молчал, держа в памяти, как часто эта карга стояла подле трона его Королевы, давая ей советы и наставляя мудрости, присущей лишь зрелому возрасту. В конце концов, ему оставалось одно: довериться ее словам. Вспомнив имя старухи, он обратился к ней:

– Мамаша Хэйнтер, Бутылочная Ведьма, известная как хранительница древних премудростей, где же мне тогда найти мою Королеву? Если она похищена против ее воли, то я отправлюсь туда, где бы она ни была, и вызволю ее из проклятого узилища. Ибо кто, как не я, поименован ею своим защитником?

Сморщенная старуха продолжала на него глазеть, да так долго, что его пробрало беспокойство, не сказал ли он чего-то лишнего. Когда же она заговорила, его обуял доподлинный ужас.

– В некотором смысле она в безопасности, поскольку пребывает ныне в мрачных чертогах Властелина Тьмы и Смерти.

Томас вскочил на ноги, машинально схватившись за рукоять меча.

– Охолопись, сэр Рыцарь. В плену у него только ее тело. К тому же сейчас ее спасение не утешило бы никого из нас, ибо разум ее затмлен Луной и утратил всякую форму и осмысленность. Ее разум, унесенный коварными ветрами, пророс в чем-то другом теле.

Хоть Томас никогда не страдал от жестокости Властителя Тьмы, но ясно помнил все, что его Королева рассказывала о жестокосердии, с которым тот правил в своих мрачных владениях. Еще крепче сжав меч, рыцарь порывисто воскликнул:

– Тогда я немедленно должен отправиться и найти ее истинное «я», где бы оно ни пребывало, ускорив тем самым исцеление ее духа и разума!

Старуха вновь улыбнулась про себя, видимо, довольная какими-то своими тайными мыслями, после чего ответила:

– Что ж, Рыцарь Розы, тогда тебе надлежит вернуться в страну твоего рождения и там отыскать человека, который ныне владеет разумом твоей сломленной Королевы. А едва он будет найден, его нужно перенести сюда, где в присутствии ее телесного обличья начнется исцеление.

В мыслях Томаса затеплились воспоминания – яркие, красочные.

– Юдоль бранных... О, сколько времени прошло с тех пор, как я последний раз вспоминал хоть что-нибудь из той своей прошлой жизни!

Оставив его неловкость без внимания, колдунья задумчиво насупила брови.

– Сэр рыцарь, мне помнится и то, что за свою долгую жизнь я много раз наблюдала за той историей любви и раздора, что разыгралась между твоей Королевой и тем властителем. Это случалось много, очень много раз и охватывало невероятно долгое время, неизменно заканчиваясь отчаянием и разрывом как между ними, так и их странами. А посему, Томас, думается мне, что мы от себя должны уготовить иной, более естественный исход той их вечной истории боли и скорби. Так отважишься ли ты, Рыцарь Розы, пойти в своем поиске наперекор течению судьбы столь же гибельным, какими они грозят обернуться?

И тогда, и сейчас Томас изо всех сил пытался осмыслить слова ведьмы, но в конце концов лишь спросил:

– Кто ты, старая бестия? Откуда знаешь о таких вещах?

– Эх, Томас, Томас. Я ведь и в самом деле стара, старше даже фэев. Мне были ведомы все истории этого мира еще прежде, чем выросли горы. Еще до того, как появились океаны. Или даже ветры, что витают меж звездами.

Свои странные, подернутые дымкой старости раскосые глаза она навела на рыцаря:

– Ведь это была, по сути, моя песня, что породила этот мир из черного хаоса. Это мои истории заставляли вращаться каждое из существ, что ходит по этому кругу, будь то юдоль бранных или обитатели Волшебной страны.

Томас поднялся на ноги:

– Воистину мало что я понял из того, что ты рассказала. Но ты твердила о поиске, который исцелит мою Королеву и восстановит ее царство, а потому я охотно принимаю это всем сердцем.

Вынув свой меч из ножен, он поднял его обеими руками и поцеловал лезвие, прежде чем изречь:

– Сим клянусь, как Рыцарь Розы, принять жребий поиска, и только смерть помешает мне его осуществить.

После этих слов на лице Бутылочной Ведьмы расплылась благостная улыбка:

– Да будет так.

– Ну а после того, как я доставлю то, о чем ты просишь, в присутствие моей Королевы, как я должен буду поступить с тем бранным, что удерживал в себе ее дух?

– Тебе решать, сэр рыцарь. Как поступишь, так тому и быть.

Томас мрачно кивнул и собирался уходить, но колдунья ухватила его за руку, и он снова повернулся к ней лицом.

– Томас, я боюсь, что разум Королевы чересчур силен, чтобы уместиться всего в одной бранный оболочке. Если б такое было возможно, то тот человек сделался бы настолько же безумным, как и она, без всякой для нас пользы. А потому помни: смертных тебе предстоит разыскать не одного, а больше.

* * *

«У меня нет иного выбора, кроме как принять слова мамыши-ведьмы за правду, так что налицо, по крайней мере, еще один кусочек этой головоломки, который я должен найти, чтобы

восстановить Королеву во всей ее целости. Ибо я уверен, что Джанет в здравом уме, несмотря даже на то, что ее гнев понуждает ее набрасываться на всех, кто к ней приближается.

Я должен заполучить всех, кто необходим для завершения этого странного орнамента, если хочу вернуть Миледи рассудок».

Его лицо исказилось чувством вины, стоило ему подумать о том, что он сделал той ночью.

«Кулон ведьмы подскажет мне, где находится юная Джанет и в опасности ли она. Так что моих поисков того, иного разума, она не осложнит».

* * *

Позже тем же утром Джанет судорожно очнулась, мотая головой из стороны в сторону в попытке избавиться от кошмарных воспоминаний о зловонном дыхании того зверя, а еще от присутствия женщины, которая так властно вклинилась ей в разум. Затем, ощутив знакомую тяжесть мягких ремней, что удерживали ее грудь и ноги, она попыталась унять свое бешено колотящееся сердце.

«Тем клятым тварям не хватит смелости постучаться в дверь моего отца».

Однако при воспоминании, как она грохнулась в обморок возле ворот, ее прошибла еще одна волна паники. Какое-то время Джанет, сопя, боролась со своими путами; панику попеременно сменяли отчаянье, досада, а затем и злость. Вытянув шею, Джанет с облегчением увидела, что находится в своей спальне, хотя и не в собственной постели. Затем, поглядев на безотлучный глазок камеры над дверью, она совлала со своими эмоциями настолько, что вполне взвешенным тоном позвала:

– Эй, там! Привет! Я проснулась... Снимите с меня ремни. Ну пожалуйста!

Вскоре дверь ее спальни распахнулась, и в палату порывисто вошел знакомый медбрат с озабоченным выражением лица. Джанет непроизвольно вновь стиснула зубы, силясь высвободиться из удерживающих ее ремней:

– Керт, пожалуйста, пожалуйста! Быстренько освободи меня от этих лямок, чтоб они лопнули.

– Погодите, мисс, не так сразу... Мы вас пристегнули только потому, что ваш доктор и отец тревожились, как бы вы снова не начали ходить во сне.

Кертис сочувственно указал на тщательно перевязанные ссадины у нее на локтях. Заметив на лице девушки негодование, медбрат поспешил продолжить:

– Вы ведь действительно могли пораниться в таком состоянии.

Когда он стал аккуратно отстегивать ремни, Джанет неожиданно усталым голосом сказала:

– Да я знаю. Но все равно это так странно, просыпаться привязанным к кровати. – Помолчав, она с вымученной улыбкой спросила: – Керт, а с тобой когда-нибудь такое случалось?

– Нет, мисс Рэйвенскрофт. Может показаться забавным, но ни разу.

– Какая уж тут забава, черт возьми.

Как только освободились руки, Джанет плотнее запахнулась в халат и поглядела на медбрата:

– Ну все, порядок, можешь идти. Оденусь я сама.

Видя его нерешительность, Джанет постаралась улыбнуться и сказала как можно спокойней:

– Керт, да я правда в порядке. Реально. Просто мне нужно немного уединения, вот и все. Ну пожалуйста. – Поглядев после паузы на камеру слежения, она добавила: – Ну хотя бы столько, сколько получается урвать с этой чертовой камерой.

Кертис проследил за ее взглядом, а затем снова взглянул на нее.

– Мисс, вы же понимаете, что это для вашего же блага. Представьте, если бы у вас произошёл один из тех эпизодов, а мы бы и не знали, и не могли прийти на помощь в течение нескольких часов.

Джанет устало поникла плечами:

– Ну да, да.

После того, как дверь за медбратом бесшумно закрылась, Джанет переоделась в свежее и подошла к эркеру. Внизу, прямо за живой изгородью вокруг поместья отца, открывалась панорама города. Джанет осторожно ее оглядела. Несмотря на солнце, погожим светом согревающее осенний день, она дрожала.

«Имеет ли вообще значение, насколько я больна, если эти пакостные монстры караулят меня снаружи?»

Размышления Джанет прервал тихий шорох вновь открываемой двери. Девушка со вздохом обернулась, кивнув человеку, которого четыре года назад наняли в качестве ее личного врача. Джанет привычно переборола в себе нетерпение и толику страха, зная по многим прошлым эпизодам, что доктору Нерану по следам каждого из них полагается провести формальное, хотя, по сути, бесполезное обследование.

Соответственно, добрый доктор терпеливо проводил осмотр с надлежащим тщанием и доброжелательностью, насколько это было возможно. И Джанет со всей любезностью, на какую была способна, ему содействовала. Вот и сейчас она прошла все обследования, и доктор Неран снова заключил, что она в общем-то вполне здорова, или выздоровела, или ей по крайней мере полегчало настолько, насколько он и его коллеги фиксировали и в прошлый раз. Ни прописанные медикаменты, ни изнурительные исследования, через которые она проходила, не выявляли, а уж тем более не исправляли того, что с ней могло быть не так.

Сейчас Джанет одарила его тусклой улыбкой:

– Док, вас не удручает, что вы так и не знаете, в чем на самом деле проблема? Меня вот да.

Тихий задумчивый индеец взглянул на нее с вежливым скепсисом:

– Я бы и рад сообщить что-нибудь новое, но, к сожалению, сказать нечего. Ваши затмения продолжают быть такими же непредсказуемыми, как и всегда. Я, конечно, надеюсь, что эта новая тенденция к увеличению продолжительности и тяжести не будет усугубляться, иначе ваше состояние начнет пагубно сказываться на вашей жизни. Если бы у вас случился один из таких приступов, допустим, за рулем или даже просто где-то, вы бы упали в обморок. И что тогда? Кто бы вам помог? – Он обернулся от двери с печальной улыбкой на добром лице: – Боюсь, что в нашей жизни всегда будут происходить необъяснимые тайны. И похоже, что вы, мисс Рэйвенскрофт, по-прежнему остаетесь одной из них. Вы должны быть благодарны своему отцу за то, что он так о вас заботится. Он делает все, что в его силах.

«В том числе нехило отстегивает тебе за отписки о моем состоянии».

Взгляд Джанет стал жестким.

– Верно, док. И спасибо, что делаете все возможное, чтобы мне помочь.

Столь долгая жизнь с недугом, отложившим отпечаток на ее характере, оборачивалась глубокой разочарованностью и гневом. Но заметив такое же разочарование на темно-смуглом лице доктора, Джанет подавила в себе нетерпимость и попыталась придать значение его словам, тут же пожалев о сказанном.

Все еще стоя в дверях, Неран сказал:

– Ваш отец просил передать, что хотел бы поговорить с вами. Как только вы почувствуете, что достаточно окрепли.

– То есть сейчас, верно? Терпение короля нельзя испытывать.

– Мисс Рэйвенскрофт, пожалуйста, не судите вашего отца так строго. Он действительно очень за вас переживает.

Проглотив резкий ответ, Джанет подождала, пока доктор закроет дверь, после чего опять легла – на этот раз на свою настоящую кровать – и изо всех сил пыталась перемочь черную меланхолию, что пыталась ее задушить, вызвать чувство беспомощности.

Время ползло незаметно, в бессвязных мыслях – от причин ее возвращения к памятной глубине темных глаз Томаса. Спустя час из своей спальни Джанет выходила больше затем, чтобы отвлечься от всех этих мыслей, чем для того, чтобы выполнить приказ отца.

«Будь я проклята, если сделаю это. А если нет, то подавно».

Быстрым шагом она прошла по длинному коридору к его кабинету и, не постучав, проскользнула в дверь.

Отец посмотрел на дочь из-за обширного письменного стола в нагромождении бумаг:

– Здравствуй. Ну что, выпалась?

– Ну да. А ты разве не видел?

Сделав вид, что пропустил колкость мимо ушей, Джон Рэйвенскрофт ответил голосом мягким, как шелк:

– Никаких безумных снов, вызванных твоей последней шалостью?

– Спала очень хорошо, спасибо.

С вызовом глядя на отца, она подметила, как он пытается сдерживать гнев.

– Ты, случайно, не собираешься рассказать, куда ты отправилась после того, как увильнула от моего охранника, оставив его на ночной улице? Или что это был за молодой человек на мотоцикле?

В залах заседаний по всему миру многие мужчины и женщины тряслись от страха, едва заслышав железные нотки в голосе Джона Рэйвенскрофта. Джанет, однако, молча смотрела на отца, упрямо отказываясь пояснять какие-либо беспутства прошлой ночи, вымышленные или не очень.

«Если рассказать о монстре на том мосту, он точно подумает, что я чокнутая, закроет здесь и выбросит ключ к чертям собачьим».

– Молчишь? Ладно. Я подумал, тебе будет любопытно узнать: мы нашли твою брошенную игрушку в виде «феррари». Я распорядился привезти его обратно и поставить в гараж. И, Джанет, должен предупредить, что водить машину тебе теперь запрещено. Твое состояние стало слишком серьезным, ты можешь причинить реальный вред себе и другим.

– Блин! Блин! Только не это!

Словно не заметив ее очередную вспышку гнева, Рэйвенскрофт продолжал:

– Но я с радостью предоставлю тебе водителя на все твои выезды из поместья.

«Черт, я попала в западню, возможно, навсегда.

Но... блин, возможно, он прав, и мне не место за рулем.

Тем не менее меня как будто понуждают делать что-то, чего он от меня хочет».

Не сводя с дочери глаз, отец потянулся к ящику стола и достал оттуда блестящий предмет, в его ручище казущийся крохотным. Украденный мобильник.

– Ты кинула его в спешке, спасаясь прошлой ночью. Хэмиш просил передать, что человек, у которого он побыл на хранении, сказал, что очень благодарен за доверие и умолял тебе его вернуть.

– Правда? – Джанет как замороженная сняла вещь у отца с ладони и убрала к себе в карман. – Пожалуйста, поблаговари от меня Хэмиша, ладно?

– Ладно.

«Ох представляю, как тому с дредами начистили рыло».

Несколько секунд отец и дочь стояли, вперясь друг в друга, пока молчание не нарушила Джанет, нервно проведя рукой по своим стриженным волосам:

– На случай, если ты не заметил: я больше не ребенок. В прошлом месяце мне исполнилось восемнадцать. Или забыл? Я могу водить машину... в смысле, раньше могла. Могу пить

в пабах, если захочу. Не нуждаюсь больше в твоих разрешениях, чтобы ходить на свидания. И клянусь, если ты будешь, как раньше, помыкать каждой секундой моей жизни, я изыщу какой-нибудь способ сбежать из твоей чертовой тюрьмы, как бы ты мне ни мешал, и ты меня больше никогда не увидишь. Слышишь? Никогда!

Джанет удивил внезапный страх, отразившийся в глубине глаз отца, а его ответ ее просто потряс:

– Я... я всего лишь делаю то, что было бы лучше для тебя... и так было всегда. Я знаю, иногда тебе в этом видится что-то не то, но я в самом деле люблю тебя, Джанет.

Его широкие плечи неуклюже вздрогнули, после чего он продолжил:

– Все бы только выиграло, если бы ты просто следовала некоторым элементарным правилам.

Не обращая внимания на тревожную заботливость в его тоне, она будто сплюнула:

– В смысле, от этого выиграл бы ты? Конечно, было бы чертовски нехорошо, если бы дочь Джона Рэйвенскрофта нашли пьяной на полу сортира в каком-нибудь фешенебельном клубе; как неприлично, на публике-то... Мы бы попали на все новостные каналы, выставив тебя полным идиотом!

Яд в словах дочери на мгновение, казалось, лишил Рэйвенскрофта дара речи. Он виновато опустил взгляд на стол как раз в тот момент, когда Джанет желчно спросила:

– Ладно. Ты разрешаешь мне уйти прямо сейчас?

Куцым кивком выразив согласие, Рэйвенскрофт ответил:

– Да, конечно. Но только помни, что твое благополучие я могу обеспечить только в этих стенах. А вот за его воротами опасностей таится куда больше, чем, я надеюсь, ты когда-либо узнаешь. Я просто не могу позволить тебе уйти просто так, без моей защиты.

На прощание он сказал:

– Будь рада хоть тому, что у тебя есть водитель. Так при тебе всегда будет кто-то, кто сможет таскать твои пакеты с покупками.

7

Спустя два дня Джанет сидела на одной из скамеек треугольного скверика на пересечении двух улиц в центре Инвернесса. Сквер пестрел яркими, цветастыми детскими площадками, которые бойко и безудержно пользовала стайка шумливой ребятни. Скамейки вокруг занимали взрослые опекуны, чинно наблюдая за шалостями своих подопечных.

Рядом с Джанет громоздилась куча магазинных пакетов, которую она небрежно удерживала своей изящной рукой, чтобы покупки не опрокинулись на тротуар. Она улыбнулась и приветливо помахала двоим мужчинам, стоявшим метрах в шести от нее (отец наказал им следовать за ней всякий раз, когда она покидала поместье). Даже на таком расстоянии на их лицах явно читалась унылая тоска от беспрестанного мотания из магазина в магазин на протяжении долгого, занудного дня. Руки у них были отягощены еще большим количеством коробок и мешков. Оба выглядели настолько затюканными этой явно не мужской работой, что Джанет едва не рассмеялась, но вовремя себя одернула.

Идея выбраться из дома и в процессе изрядно обновить свою комнату казалась хорошей, но то, что поначалу выглядело гневным протестом на самодурство отца, теперь как-то сдулось и совсем не приносило удовлетворения.

«Самозабвенная трата денег на кучу барахла сейчас смотрится явно по-детски. Но в одном он был прав: мне в самом деле нужна помощь, чтобы дотащить все это домой. Интересно, как бы мог сложиться день, если бы я разделила его с кем-нибудь из друзей, а не с этими двумя битюгами?»

Где-то сзади, по ту сторону скверика, гомон играющей ребятни перекрыло тьявканье мелкой собачонки. Не оборачиваясь, Джанет задумалась, не завести ли и ей домашнего питомца.

«Кого бы лучше, собаку или кошку?»

Терзая слух, пронзительное тьявканье неуклонно увеличивалось по громкости.

«Почему больше всего шума исходит от мелких шавок?»

Наверное, какая-то моська полагает, что защищает свою хозяйку».

Джанет со вздохом поглядела на приставленных к ней телохранителей.

«Они здесь больше для того, чтобы не дать мне сбежать.

Свою работу они делают исправно, только хоть раз бы улыбнулись».

Яростный лай все усиливался, и Джанет мельком оглянулась через плечо, поглядеть, в чем причина. Сбоку от качелей на негнущихся ногах уперся короткошерстный пуделек и лаял во всю свою мохнатую голову. Поперхнувшись ругательством, застывшим на кончике языка, Джанет вытаращила глаза в ужасе. Там, припав брюхом к земле, к скверу подбиралась огромная неуклюжая тварь, определенно не из этого мира.

Гибко поводя хвостом, черная, похожая на кошку бестия пробиралась вперед, сосредоточенная всецело на своей добыче. Кто это, сомнений быть не могло. Глазом не моргнув, хищная нежить смахнула собачонку в сторону и продолжала двигаться напрямик в сторону Джанет.

«Черт побери!»

Между тем никто в парке будто и не подозревал об этом грозном существе. Никто, кроме той собачки. От слова «вообще». Джанет взглянула на телохранителей, которые продолжали поглядывать вокруг со скучливым безразличием.

«Они ничего не видят!»

Когда зверь был уже всего в нескольких метрах, Джанет за долю секунды определилась с решением.

«Нельзя допустить, чтобы те люди погибли только потому, что мне вздумалось прошвырнуться по магазинам».

Краем глаза она видела, как рычащая бестия собиралась с силами, готовясь перекинуть свою мускулистую тушу через кованую ограду сквера.

«Но куда же бежать?»

В этот момент Джанет услышала, как ее окликнули по имени. Обернувшись, она изумленно увидела Томаса. Он балансировал возле ближнего бордюра верхом на своем «лайтнинге». Облегчение нахлынуло, наполняя веселой легкой силой.

«О да!»

Роняя пакеты, Джанет вскочила со скамейки и в два быстрых шага запрыгнула на заднее сиденье.

– Вперед! Мчи!

Когда мотоцикл с ревом вырулил на оживленную улицу, Джанет обернулась: преследующий зверь бесследно исчез. Двое всполошенных охранников отчаянно пытались пробиться сквозь толпу покупателей, наводнившую тротуар. Том грациозно маневрировал по улице, быстро набирая скорость, пока шансы быть схваченными людьми или невидимым зверем не упали до нуля. Крепко обхватив Тома руками, Джанет облегченно перевела дух.

«Ох, блин, мы вовремя!»

Перекикивая шум ветра, она спросила:

– Как это у тебя получилось? Оказаться именно там, где надо, и именно тогда, когда нужнее всего?

Том, на секунду обернувшись, мелькнул задорной улыбкой:

– Джанет, ты слишком юна для таких врагов!

Попытка съязвить в ответ не получилась: мотоцикл вспрыгнул на тротуар, а с него съехал по крутому лестничному пролету.

После этого Джанет со смехом выкрикнула:

– Враги? Да ну! Просто парни на оплате. Уж кто мне враг, так это мой папа. Хочет удушить меня в своем проклятом доме-темнице!

– Нет. Меня беспокоят не они, а охотничьи звери, которые почти нашли свою добычу.

– Звери? Я видела только одного. Ты хочешь сказать, этих кровавых жутких тварей было на самом деле больше?

– Они всегда охотятся стаями...

Джанет крепче обхватила Тома за талию и продолжила:

– Но почему я его видела, когда никто другой не мог?

Красноречивое пожатие плеч лишь разогло Джанет.

– Хорошо, мистер Молчун и Скрытчик. Когда ты собираешься объяснить, что здесь происходит? От одной мысли о тех ужасных тварях у меня мурашки по коже. Мне нужны ответы на кое-какие вопросы, Том!

После ее вспышки они молча ехали по городу, небо над которым закат уже начинал окрашивать охристым цветом. Время от времени Джанет протягивала руку, чтобы провести себе по остриженной макушке, и невесело размышляла:

«Джанет, ты идиотка. Снова ты обнимаешь этого симпатягу незнакомца и едешь... куда? Но по какой-то причине я чувствую себя с ним в безопасности... несмотря на то, что он не ответил ни на один мой вопрос!»

После того как они переехали реку Несс по мосту Янг-стрит, Том поставил свой мотоцикл на парковке возле Несс-Уок. Здесь с красивой речной набережной открывался живописный вид на замок Инвернесс и многообразие соборов, возвышающихся над низким горизонтом центра города; вообще эта часть города с множеством ресторанов, пабов и кафе была довольно популярна. Не являлся исключением и сегодняшний вечер.

Они слезли с мотоцикла и неторопливо пошли по многолюдной улице. Томас, заметив, что Джанет нет-нет да и оглядывается через плечо, остановился и с улыбкой ей сказал:

– Теперь насчет своей безопасности не переживай. Ты под моей защитой.

– Да что ты? Вот так взять и поверить, что придурак, который бросил меня на том чертовом мосту, вдруг заделался моим... защитником?

«Хотя почему-то мне этого хочется».

В этот момент их разговор отвлек громкий звон музыки из глубины ее сумочки. Джанет порывлась и вытащила из ее недр настырное мобильное устройство. На экране высветилось сообщение от отца, которое она пробежала вполглаза:

«Джанет, ты где?! Отпишись СЕЙЧАС ЖЕ!»

Мобильник она, не раздумывая, через плечо кинула в Несс; река приняла его с тихим всплеском. Затем Джанет обернулась к Тому и улыбнулась, видя его замешательство:

– Просто подарок от отца, который я на самом деле не ценю и не нуждаюсь.

«А его чертовой армии будет не так-то просто выследить меня без этой штуковины».

Затем они молча продолжили свою прогулку между городом и рекой, в блаженстве от угасания дня и присутствия друг друга.

К тому времени как они остановились под огромным раскидистым вязом над кромкой воды, в желто-оранжевом зареве заката уже неуловимо зарождалась тьма. Томас серьезно посмотрел в глаза Джанет и нарушил их общее молчание.

– Я каюсь, что навлек на тебя незаслуженное зло. Из-за меня ты увидела, как приоткрылась дверь в огромный мир, который порой бывает излишне жесток и скор на реальную опасность для тех, кто ничего не подозревает. Это мир, шанс увидеть который выпадает лишь немногим из бранных.

– «Многим из бранных»? Что ты имеешь в виду? Ты такой же бранный, как и я, и...

Еще не договорив этих слов, Джанет ощутила растерянную робость сомнения. Особенно после того, что ей довелось повидать и ощутить за последние дни.

– Ты ведь просто человек, так ведь, Том?

– Да, но я приноровился к привычкам этого другого мира; мира, от которого я пообещал тебя защищать. Если понадобится, то и ценой собственной жизни.

Взволнованная очевидной искренностью слов и мягким взглядом Томаса, Джанет ощутила, как по ее телу пробежал сладкий дрожащий холод. Собравшись с мыслями, она отвернулась и некоторое время смотрела вниз, на темнеющую воду. До нее вдруг дошло, что это ее как бы случайное приключение может перерасти в нечто большее.

«Неужели я вправду хочу, чтобы это произошло?»

И она улыбнулась про себя:

«А может, и вправду».

И тут Том задал вопрос, который Джанет всполошил. Ей много раз задавали его и раньше, но она предпочитала просто отмахиваться. Однако сейчас она поняла, что хочет рассказать о себе этому человеку все, что только может.

– А твоя мать? Как она относится к тому, что тебя заточили в вашем замке?

Какое-то время Джанет рассматривала тускнеющее отражение заката в медлительно текущей реке, где прямо внизу струился силуэт собора, после чего ответила:

– Своей матери я никогда не знала. Она всегда была призраком без лица, который неотлучно жил в моих мыслях. Сколько я себя помню, вблизи находился только мой отец. Но он всегда оставался отстраненным, чуждым... как будто ему отчего-то больно меня даже видеть. Мы никогда с ним не ладили, а последнее время все стало только хуже.

Когда мне исполнилось двенадцать, у меня начались странные приступы, провалы в памяти или внезапные панические припадки, или как их там называет дорогуший врач моего отца. А последний год они сделались еще хуже, как по продолжительности, так и по тяжести.

Прогнав меня через все исследования, какие только могло позволить немалое состояние моего отца, врач постановил, что те затмения и являются причиной моей потери памяти, луна-

тической ходьбы и изменений в моей личности. Сделали даже записи, где я во сне разговаривала на странном языке, который никто не понимал. – Джанет печально улыбнулась. – По крайней мере до той ночи на мосту, когда вдруг на нем заговорила, и на этот раз понимала значение произнесенного и услышанного слова. Что до невероятности странно...

Как бы то ни было, отец всегда старался держать меня на коротком поводке. И по мере того как я становилась старше, он все навязчивей стремился удержать меня под замком. Но, Том... Мне восемнадцать лет. Восемнадцать! Я не должна по-прежнему жить под моим отцом. Мне нужно выйти в мир и выяснить, кто я и чего действительно хочу от жизни. Но пока я чувствую себя огромной пустой дырой, ожидающей, когда что-то меня заполнит... Но это неправильно. Я должна сама выбирать, чему я хочу научиться. Разве не так?

Неожиданно Том легонько взял обе ее прохладные ладони в свои, теплые.

– Конечно же, отец заботится о твоём благополучии. В конце концов, разве он не желает тебе самого лучшего?

Перед внутренним взором Джанет поплыли тревожные воспоминания, которые она уняла, уютно припав к плечу Тома.

– Несколько лет назад он записал меня в шикарную частную школу. Разумеется, на свой выбор. Вся из себя эксклюзивная, из темного кирпича, с высокими стенами и крепкими воротами. Своих дочек туда пристраивали только самые навороченные семьи. Он, видно, надеялся, что я обзаведусь друзьями из нужных кругов. Но большинство из них были просто отстой, а их семьи и подавно.

За исключением нескольких более-менее приличных, мои одноклассники отпускали те же глупые шутки о моей коже, которые я слышала всю свою жизнь. «Эй ты, голливуд⁴, или как там тебя!» «Чего тебе вообще здесь надо, чернушка!» Было и кое-что похуже, но я научилась не обращать внимания.

Однажды днем на футбольном поле меня обступила орава самых подлых сучек, выплевывая мне оскорбления прямо в лицо. Тут я не сдержалась и тоже что-то заорала в ответ.

Это раззадорило их еще сильнее, и они начали пинать в меня красный футбольный мяч – сильно так, аж жгло, снова и снова. Наверно, единственный раз в жизни я благословила свою «проблему со здоровьем», потому что внезапно брякнулась в обморок, а они все разбежались.

Отец появился почти сразу и отвез меня домой. До сих пор не знаю, хотел ли он защитить меня или же спрятать от всего мира, стыдясь цвета моей кожи.

– Я думаю, что нет. Вы... ты очень красива, Джанет Рэйвенскрофт.

Распахнув в изумлении глаза, она на секунду смолкла, пытаясь уяснить, что может означать этот комплимент, вызывающий еще один неумолимый сдвиг в их отношениях.

В трепетном волнении она продолжила:

– В общем, с тех пор у меня всю дорогу были сплошь частные репетиторы и обучение на дому. Отец называет это обучение «индивидуальным», ну а мне оно напоминает тюрьму.

Она посмотрела на Томаса затуманенными неуверенностью глазами.

– Это безопасно и удобно. Мне не нужно работать, снимать жилье и вообще беспокоиться о деньгах... не говоря уж о выходах с обзыванием. Но если я продолжу в том же духе, мне не удастся жить своей собственной жизнью и совершать свои собственные ошибки.

А это, наверное, страшней тех твоих чертовых тварей.

⁴ Тряпичная кукла-негритенок.

* * *

Слушая Джанет, Томас испытывал беспокойство, потому что и сам задавал себе одни и те же вопросы уже больше лет, чем сам мог вспомнить. В сущности, именно эти вопросы заставляли его отлучаться от королевского двора на все более длительные промежутки времени.

Его мысли вернулись к девушке рядом с ним, когда с губ Джанет сорвался резкий смех:

– Если тебе интересно, то вся эта опека и впрямь мешает моей жизни. Любой парень, с которым я встречаюсь, просто сразу сбегает, когда оглядывается и видит за собой какого-нибудь громилу, пристально следящего за каждым его движением.

С каких-то пор я почувствовала, что вот-вот свихнусь от разочарования, поэтому начала играть с отцом и его людьми в эдакую игру. Я тщательно продумываю план и сбегая в какое-нибудь интересное место, где на несколько часов притворяюсь нормальной, здоровой молодой девушкой с нормальными, здоровыми проблемами. Но все эти глупые игры потихоньку наводят на мысль: а может, я и есть та самая избалованная девчушка, какой меня считает мой отец?

* * *

Джанет замолчала и пристально оглядела теперь уже подернутый темнотой город, притаившийся на их стороне вдоль реки, после чего прошептала:

– Иногда отец смотрит на меня таким взглядом, будто он полностью уверен, что я вообще ку-ку и ухожу в полный психоз. Может, это потому, что он ничего не может во мне исправить, и у него развилась такая чертова паранойя насчет того, что я еще могу выкинуть?

Ее разум метался, пытаясь представить, как можно напугать такого богатого и властного человека, как ее отец.

Когда она подняла глаза, то поняла, что Том ей что-то отвечает:

– ...действительно, то положение, как ты его описываешь, мне вполне знакомо. В моей жизни тоже есть некто, кто пытался удерживать меня в клетке. Клетка эта, как ты говоришь, золотая, однако прутья у нее такие крепкие, что не давали мне никакой истинной свободы.

Услышав его слова, Джанет тайком улыбнулась, благодарная за то, что на свете есть кто-то, хотя бы отчасти понимающий ее волнения.

Внезапно из ближайшего кафе раздался резкий звонкий шум. Схватив Тома за руку, Джанет начала дышать лишь тогда, когда поняла, что там всего лишь случайно уронили на пол переполненный поднос, и зловещие создания тут ни при чем.

Поглядев на Томаса, она спросила:

– Может, пойдем куда-нибудь, где не таклюдно?

– Как пожелаешь.

8

На подъезде к людной площадке перед музыкальным клубом начал накрапывать дождь. Спрыгнув с сиденья, Джанет шепнула Тому:

– Увидимся внутри.

Тот кивнул, а затем, лавируя на мотоцикле в поисках места для парковки, задался вопросом, отчего он проводит столько времени с этой брэнной женщиной.

«Да простит меня Королева за такое небрежение истинным долгом».

* * *

«Клуб 320» Джанет выбрала из уверенности, что единственная порода монстров, которая здесь водится – человеческая, а опыта в обращении с таковой у нее более чем достаточно. Кроме того, хозяйка клуба была ее доброй приятельницей, возможно, единственной.

Сверху нависал невысокий потолок с балками, а окон в помещении было всего два, по обе стороны от входа. Вдоль стены длинного зала в полумрак уходила старомодная дубовая стойка, оставляя достаточно много места для ярко освещенной сцены, повидавшей за эти годы немало исполнителей. Сейчас на ней, поверх веселящейся аудитории, высокими голосами пела молодая группа в дредах; было шумно, но вполне себе мирно.

Джанет уютно расположилась возле стойки бара, с ленцой изучая толпу. Прямо перед сценой под упругий ритм музыки оттягивались наиболее ревностные поклонники группы. Остальная часть зала была плотно заставлена столиками, за которыми почти везде сидела молодежь всех форм, размеров и цветовых оттенков, что благотворно сказывалось на расслабленности Джанет.

«Здесь цвет моей кожи никогда и никого не волновал.

Интересно, а заметил ли Том, сколько сволочей пялилось на нас там, возле Несса?»

Услышав, как ее окликнул знакомый голос, она с охотой обернулась. За стойкой, протирая пинтовый стакан, улыбалась хозяйка заведения.

– Ну что, не смогла удержаться?

Джанет разубалась в ответ:

– Сама видишь. Приятная публика, отличная музыка. Как тут удержаться?

Владелице бара было слегка за тридцать; по черной блестящей коже ее обеих рук вверх взбегали татуировки, исчезая под туго закатанными рукавами. Голова представляла собой буйное облако волос, покрашенных в различные оттенки розового и голубого.

– Как группа, нравится?

– Тексты прикольные. Как называется?

– «Уэйдаунские странники». Из Штатов, сейчас у них небольшой тур по Британии. Сеть про них гудит, вот я и подумала: а не словить ли их, пока они еще не прославились? А то потом сюда к нам и не заманишь.

На сцене наступил перерыв между песнями. Белокурый фронтмен, настраивая инструмент, наполнял зал отвязной болтовней – в частности, рассказал скабрёзную историю про банджо и мандолину, которые назначили друг другу свидание. Когда байка дошла до кульминации, обе подруги с ухмылкой переглянулись.

– Симпатичные ребята...

Колкое окончание фразы вызвало у Джанет улыбку, которая, впрочем, сошла на нет, когда приятельница продолжила:

– Мне пришлось заколотить окошко в туалете, после того как ты из него ночью сбежала. Замок отлетел начисто.

– Ой, извини. Давай я за него заплачу?

– Не помешало бы. В наши дни много денег на группах раскрутки не срубить. Мой отец много лет заправлял этим заведением с верой и упованием, а теперь вот я следую по его стопам. Выгнать нас нельзя, потому что это здание у нас в собственности.

– У нас?

– У нас с отцом. Вот он, на другом конце. Эй, пап, поздоровайся с моей подругой Джанет!

Метрах в пяти отсюда худой седовласый мужчина в летах был так занят разливом пива, что даже не обернулся, а только энергично махнул в их сторону.

– Если бы мы сегодня не зашивались, я бы тебя встретила как подобает. Только без продажи выпивки мы обанкротимся в два раза быстрее. Тебе, кстати, чего-нибудь плеснуть?

– Разве что тоник.

– А что так скромно?

– Сегодня без отвязки. Как-никак, свидание, типа того.

– Тогда все правильно.

Со стаканом в руке Джанет села вполоборота к стойке и задумалась о том, как ее сегодня сюда занесло.

«Хорошо, что здесь сегодня никого из частной армии отца. Интересно, смог бы кто-нибудь из них реально справиться с тем троллем или жутким кошаком?»

Может и да. Но не иначе как с каким-нибудь офигительным шумом, гамом и пальбой во все стороны».

* * *

На дальнем краю стойки за непринужденной беседой с молодой женщиной сидел Тед Локерби, приветливый молодой человек. В службе секьюрити Джона Рэйвенскрофта он был новеньким, так что его лицо было Джанет незнакомо. Как раз поэтому ему и поручили сегодняшнюю работу.

Новобранцы вроде Теда, ждущие появления Джанет Рэйвенскрофт, рассредоточились по всему центру Инвернесса, но в засаду она забрела именно к нему, что его несказанно радовало.

Чуть ранее быстрый поиск клуба в Google подсказал ему, как слиться с местной толпой. Одетый, как большинство остальных, в рваные джинсы, черную футболку и кроссовки Nike, он смотрелся просто еще одним завсегдатаем, поддерживающим непринужденную беседу за pintой пива.

Вверх от полированного пола исходила вибрация громких басов группы, легонько щекоча ноги. Локерби этого не замечал; он оглядывал лица собравшихся в переполненном баре. Забавное разноцветие этносов и культур, именуемых в последние годы Инвернесс своим домом. Локерби втихомолку радовался, упиваясь удачей, которая ему сегодня улыбнулась. Отвернувшись от линии взгляда Джанет, он осторожно скинул сообщение боссу о том, что обнаружил добычу. Теперь можно спокойно откинуться на спинку стула и ждать прибытия подмоги.

В пяти метрах от него Джанет, погруженная в свои мысли, даже не сознавала присутствия тайного соглядатая. Лучше всего расслабиться и не лезть на рожон.

«От этих адских кошмарных созданий Том отмахивается так запросто, как я хожу за покупками. А еще он, похоже, в неплохих отношениях с той чертовой сукой, которая как к себе домой вламывается мне в голову.

Так кто же или что ты такое?»

Не в силах удержаться, она представила его симпатичное лицо, с легкостью вспомнив морщинки-смешинки вокруг рта и глаз.

В этот момент по трем невысоким ступеням с уровня улицы легко спустился Томас. Возле входа он ненадолго задержался, привыкая к тусклому освещению клуба. Джанет неожиданно поняла, насколько неуместно он здесь выглядит. И дело не только в его причудливом кожаном плаще, но и в том, что, помимо участников группы, он здесь чуть ли не единственный белый мужчина.

Хозяйка-барменша легонько похлопала Джанет по руке:

– Ого. Это он и есть? Поздравляю, достойная находка.

– Ты давай губу не раскатывай. Он мой, ясно?

– Да уж яснее некуда.

Когда он через толпу проскользнул к стойке, Джанет застенчиво представила Томаса своей подруге:

– Лотти, это Томас. Том, это Шарлотта. Поздоровайтесь, что ли.

За разговором Джанет тайком принюхивалась и не могла надышаться медвяным ароматом трав, который, казалось, все время исходит от Томаса. А еще ей стоило недюжинного усилия, чтобы не запустить пальцы в его длинные шелковистые волосы.

Поболтав минуту-другую, Том заказал себе односолодовый виски и снова вернулся вниманием к своей спутнице.

Под его внимательным взглядом Джанет поморщилась, а затем пробормотала:

– Я было подумала, что ты уехал...

Лицо Томаса стало серьезным.

– Ну уж нет. Теперь, когда я познакомился с твоими врагами, мне стало любопытно, где ты будешь чувствовать себя комфортно и кого считаешь своими друзьями.

Снова чувствуя прилив волнения, Джанет быстро спросила:

– А музыка? Как тебе группа?

– В громкости ей точно не откажешь.

Указывая на толпу, толкущуюся вблизи сцены, она бойко предложила:

– А пойдём потанцуем?

– В вашем мире это именуется танцами, Джанет Рэйвенскрофт?

Сквозь свист и аплодисменты после только что отгремевшей песни Джанет прокричала:

– А как бы ты это назвал?

– Танец есть формальное ухаживание меж двумя людьми. Их руки соприкасаются. Соприкасаются тела. Они должны чувствовать, как их кровь течет, словно единое целое. Из того, что я там вижу, ничто не наводит на мысль о чем-то, хоть сколь-нибудь близком к этому интимному действию.

После пристального взгляда на Тома Джанет спросила:

– Томас. Ты вообще настоящий?

– Я такой же человек, как и ты, Джанет. Я смеюсь. Плачу. Я состарюсь и умру. Что еще тебе нужно знать?

– О, много-много чего. За последние несколько дней я повидала существ, которым впору водиться разве что в фэнтезийном фильме, а какая-то сучка отбивала чечетку у меня в черепе без всякого с моей стороны приглашения. Так что же, черт возьми, происходит? Или я совсем сошла с ума?

– Нет, Джанет. Просто тебе впервые открылся мир, который, собственно, был здесь всегда, вокруг тебя, только до сих пор скрывался от глаз. Ты должна простить меня, что открыл тебе этот мир, но разве тебя не донимает любопытство, что еще он может тебе предложить?

– Любопытство? Я видела лишь ужасных чудовищ! Ну уж нет, спасибо.

– Но ведь, помимо этого, есть и еще... Так много, много всего, что я бы мог тебе показать.

Возвышенно-простодушное выражение его лица в этот момент заставило Джанет покачать головой. Ее рациональность уже работала сверхурочно, пытаясь объяснить все пережитое за последние дни каким-то безумным лихорадочным сном.

Внезапно она улыбнулась своему спутнику и, просунув руку ему под мышку, кивнула в сторону танцпола:

– Сейчас я не хочу об этом думать. Почему бы тебе лучше не показать мне, что ты понимаешь под настоящими танцами?

– Если таково твоё желание, то изволь.

Она улыбнулась, когда Томас нежно обнял ее за талию и повел на тот небольшой пятючок, что еще оставался свободным на переполненной танцплощадке. Там он повел ее под совершенно иным ритм, нежели тот, что исходил от группы. Оглянувшись, Джанет увидела, как за ними наблюдает Лотти и одними губами озвучивает: «Давай, действуй!»

Положив голову Тому на плечо, Джанет решила последовать ее совету.

«Надо же, мы как будто совершенно одни. Как такое может быть?»

Едва она поддалась их общему удовольствию, как глаза Тома резко открылись, а тело напряглось.

Глядя мимо него, Джанет увидела пятерых огромных, кошачьего облика зверей, скользящих сквозь массу танцующих тел так, словно их там и не было. А за зверями, не отставая, крадучись двигалась темно-оливковая фигура, облаченная в гладкую черную кожу. В свете сценических фонарей глаза фигуры мерцали темно-красным, а обтянутая перчаткой рука держала обнаженный меч.

9

– Черт побери! – вырвалось у Джанет. – У этого безумца меч! Почему никто не обращает на него внимания?

И тут до нее дошло. Мечника со стаей злобных тварей видели только она и Том.

Том отстранился от Джанет, его лицо превратилось в мрачную маску. Внезапно в его руке появился длинный тонкий клинок. Увидев отсверки лезвия, их противник заколебался. Твари возле его ног, однако, продолжали кружить вокруг своей добычи, попросту не замечая толпу, теснящуюся на полу перед сценой. И тут поверх грохота музыки Джанет услышала голос той фигуры. Она говорила на том же чужом языке, что и тролль на мосту; Джанет поняла каждое слово, произнесенное незнакомцем, что вызвало у нее мурашки по коже.

– Ну что же, охотник в кои веки нашел свою жертву.

По губам Тома скользнула мрачная улыбка.

– Охотник, – отозвался он, – тебе не место в мире бранных. Зачем ты сюда явился?

– За тобой, сэр Рыцарь Розы. Таково веление моего хозяина, а потому я обязан повиноваться.

Не успел он договорить, как Охотник бросился напрямик на Томаса. Рыцарь Розы гибко прыгнул вперед, встречая своего противника. Мечи засверкали, описывая в воздухе дуги, что рассыпались разноцветным дождем под лучами потолочных прожекторов. Звончато стучали друг о друга клинки. Джанет вновь и вновь тревожно слышала скрежет металла о металл. Затем обе фигуры враз отскочили друг от друга. Охотник остановился, крепко сжимая обеими руками рукоять меча.

Он скосил на Тома свои мрачно-ледяные глаза:

– Я заблуждался, полагая, что ты все же внемлешь голосу разума и дашь безропотно забрать себя из этого противоестественного места.

– Противоестественного? Поберегись, Охотник. Ты говоришь о земле, где я родился.

Джанет схватила Томаса за руку и заговорила на том же небывалом языке:

– Том, кто этот человек?

Услышав ее речь на языке Страны Летних Сумерек, Охотник сверкнул угольно-черными глазами и, глядя мимо самозабвенно кружащейся толпы, с ухмылкой сказал:

– Ты говоришь так, как мог бы только бранный. Но мой милостивый повелитель поручил мне сыскать кусочек головоломки, дорогой его сердцу, так что теперь тебе, а с тобой и этой бранный девице наверняка предстоит этой ночью иметь с ним разговор. Сказать по правде, моя кровь приятно закипает от одной только мысли, что с ней сделает мой хозяин.

– Ни за что! Пока я жив, не бывать этому.

– Как пожелаешь, сэр рыцарь.

Невозможно было оторвать взгляда от огромных крадущихся зверей, что непринужденно огибали ноги ничего не замечающей толпы вокруг двоих поединщиков. Все четверо были крупнее взрослых пантер, но вместо меха их тела плотным слоем покрывали жесткие иглы. Из подушек лап торчали длиннющие когти, каждый из которых оставлял за собой на линолеуме танцплощадки рваные борозды.

Том, отчего-то совершенно не обращая внимания на окруживших его зверей, поднял свой меч и выкрикнул:

– Тебе не достичь желаемого!

В ответ клинок Охотника вновь прочертил дугу. Джанет застывленно наблюдала, как Том невесомо отпрыгнул в сторону, а затем, припав к земле, крутнулся, отражая клинком выпад противника. Каждое движение говорило об отточенной годами практике. Спустя мгно-

вание Том снова наткнулся на Джанет. По груди у него сбегала тонкая струйка крови. Чтобы не упасть, он схватился за руку своей спутницы.

И, словно его прикосновение оказалось некой искрой, способной разжечь в ней неведомое пламя, комната вокруг Джанет начала пульсировать и размываться, поглощаемая другой реальностью. Теперь ее со всех сторон окружал большой многоярусный двор с пышным садом, полным благоухающих роз и яблонь, блистающих своими белыми соцветиями. За садом к облакам устремлялся старинный мраморный чертог, розоватые стены которого перемежались бирюзовыми затенениями от деревьев ближнего леса, что вздымались еще выше.

Перед тем как она потеряла сознание, в ее голове промелькнула мысль:

«Ох, чертова мигрень...»

Внезапно разум смертной девушки Джанет Рэйвенскрофт вновь поглотила нечеловеческая воля, в ее собственном мире известная как Королева Летних Сумерек. Она встала, не обращая внимания на толпу, огни и пульсирующую музыку, и, несмотря на внешность обычной девушки, с гневливой надменностью оглядела Охотника и подвластных ему зверей. Не обращая внимания на раны, нанесенные ее рыцарю, она царственно шагнула навстречу смертоносным незванным гостям.

Перед Охотником представала всего лишь малозначительная брэнная девушка, но стоило ей заговорить, он еще больше уверился, что нашел именно то, на поиски чего послал его хозяин.

С высокомерной улыбкой Королева промолвила:

– Ловчий, откуда ты взялся в моей зале? Я тебя не вызывала. Твое присутствие вызывает у меня лишь брезгливость.

В прищуренных глазах воина мелькнул испуг.

– Что? Ты именуешь сей неряшливый хлев своею залой? Это место подходит лишь для бранных и их пустяшных развлечений...

Огромные звери заискивающе прилегли у ее ног. Впившись в Охотника немигающим взглядом, Королева произнесла:

– А ну придержи язык, чернь! Ты исходишь ревностью ко двору, который когда-то считал домом?

В глубине своего сознания Джанет изо всех сил боролась с узурпатором, что так жадно вцепился в ее душу. Наконец ей это удалось. Внезапно среди водоворота самозабвенно танцующих тел осталась только молодая человеческая девушка, которая при виде огромных рычащих бестий Охотника, обступивших ее вплотную, зашлась криком.

* * *

Еще несколько мгновений назад Тед Локерби наслаждался жизнью. А когда к его объекту присоединился таинственный бойфренд, Локерби улыбнулся, подумав, что задержание их обоих окончательно утвердит его в штате сотрудников.

Но когда он увидел, как тот тип в одиночку прыгает по танцполу, крича на какого-то призрака, Тед заподозрил, что вечер грозит затянуться. Ну а затем, когда отчаянно зажеликовала дочка клиента, изображая что-то невнятное, Локерби переключился в боевой режим, хотя подкрепление еще не прибыло.

Вскочив на ноги, он начал проталкиваться через людское скопление. Тед понятия не имел, что именно здесь происходит, но был абсолютно уверен, что его первостепенная задача – как можно быстрее вывезти мисс Рэйвенскрофт из этого места в целости и сохранности.

Сквозь рев музыки он слышал вопль Джанет, и сам заорал на людей перед ним:

– А ну, прочь с дороги!

Грубо оттолкнув какую-то полностью ушедшую в себя пару, он схватил дочь своего клиента и попытался заслонить ее собой от того, на что она кричала. Его правую ногу прошила острая, разрывающая боль, от которой нога сама собой подогнулась, и он наотмашь грохнулся на пол.

На мгновение оглушенный, Тед откатился в сторону, силясь вытащить из наплечной кобуры свой пистолет.

«Черт! Надо было сделать это еще до того, как я сюда сунулся».

Пот жег глаза, когда он сквозь путаницу движущихся туфель, «найков» и «док мартенсов» пытался выяснить местонахождение нападавшего. Но того нигде не было видно.

«Что за черт... Наверно, это тот парень, с которым она... Кто же еще?»

Стиснув пистолет обеими руками, Тед прицелился в парня своей клиентки. Но прежде чем он успел выстрелить, невидимые челюсти с невероятно острыми зубьями оторвали ему руку. Кем бы ни был тот истязатель, он кашлянул всего раз, выплюнув пистолет на пол.

Застыв в состоянии шока, Тед рухнул в лужу собственной крови, распластавшись на полу.

Последнее, что он увидел перед тем, как умереть, была облаченная в кожу тень, что вышла над ним с мрачно-довольной улыбкой.

* * *

Из-за стойки Шарлотта заметила, как со своего места вскочил кто-то дюжий, пробился в толпу, а затем резко упал. Ей показалось (вот ей-богу!), что он достал пистолет, но тут обзор загородила возбужденная толпа. Лотти не понимала, что происходит, но будь она проклята, если допустит сегодня в своем баре что-нибудь ужасное. Протиснувшись мимо отца и выбежав из-за стойки, она устремила прямоиком к своей подруге.

10

Не обращая внимания на мертвеца у своих ног, Охотник не сводил глаз с Томаса.

– Значит, ты решил остаться в этом гиблом царстве?

Том, игнорируя колкость, прокричал сквозь музыку Джанет на ухо:

– Найди задний выход. Мой «лайтнинг» припаркован в проулке. Давай. Уходи, сейчас же!

Джанет потрясенно смотрела на безжизненное тело совершенно незнакомого ей человека, который только что пытался спасти ей жизнь.

– А как же он? Неужели мы ничего не можем сделать?

В этот момент ее за руку схватила Лотти и потащила в заднюю часть клуба.

– Ты слышала, что он тебе сказал? Там сзади есть выход. Беги через него!

Джанет все еще медлила в нерешительности. Прямо перед двумя женщинами Томас снова вступил в схватку с Охотником; их мечи засверкали в воздухе. Как можно хладнокровней Рыцарь Розы напутствовал Джанет:

– Ты видишь, чем я занят. Прошу тебя, уходи!

В этот момент ничего не заметившая танцовщица невзначай поскользнулась в растекшейся по полу крови и ухватилась за своего партнера, чтобы не упасть. Тут она взглянула вниз и увидела распростертое возле ног тело. Оба партнера по танцам пронзительно завизжали.

Вспокоенные этим звуком, тело начали замечать и другие гуляки, так что криков вскоре прибавилось, а затем и вовсе началась паника; в отчаянной попытке отдалиться от мертвеца на полу люди стали разбегаться и скопом ринулись к входной двери.

Джанет в ужасе наблюдала, как ее рыцарь без всяких доспехов перепрыгнул через всех пятерых зверей, когда те бросились за ним, оскалив зубы. Яростное сверканье его клинка отчетливо виднелось в полутьме помещения. Два зверя рухнули, судорожно выхаркивая кровь из начисто перерезанных глоток.

Она все еще в отчаянии смотрела на Тома, когда ее за другую руку схватил отец Шарлотты и крикнул:

– Лотти, пригляди за группой! А я вытащу отсюда твою подругу!

Внезапно сковывающий ее шок прошел.

Джанет последовала было за своим пожилым спутником, но вначале подобрала с измазанного кровью пола пистолет мертвеца. Протолкнувшись сквозь слепо прущую толпу, они бросились через выход со сцены. Слыша за собой гончий рык одного из зверей, Джанет выпустила к выходной двери. Страх придавал ей скорость, но она с разбегу лишь ударилась и отскочила от твердой металлической обшивки двери, которая оказалась заперта. Пожилой мужчина рядом с ней пробурчал:

– Погоди. Здесь где-то есть засов.

Джанет оглянулась и увидела зверя, прокладывающего путь прямо к ним. Она снова навалилась на дверь всем своим весом. Бесполезно. Ее внимание привлекло что-то наверху. На верхней раме двери висела тускло освещенная табличка с надписью: «Только в экстренных случаях!»

– Глянь! Вон там, наверху! – сипло крикнула она своему спутнику:

– Черт! – отреагировал он. – Должно быть, новую сигналку поставили!

Подняв пистолет, Джанет прошептала:

– Что ж, дорогой папуля, от всей души благодарю, что научил меня обращаться с оружием.

Припав спиной к двери, Джанет потными окровавленными ладонями стиснула оружие, прицелилась в приближающегося зверя и один за другим высадила в него все патроны.

С грудным ворчанием бестия рухнула, застыв своей мертвой громоздкой тушей в каком-нибудь метре от ее ног.

Джанет повернулась к двери как раз в тот момент, когда отец Лотти протянул руку, чтобы отодвинуть засов. Со скрежетом металла о металл тот неохотно повиновался; тут же раздался сигнал тревоги, едва слышный сквозь нарастающий шум.

Мужчина поморщился:

– Дочь у меня куда больше подвинута на безопасности, чем я.

На этот раз под их общим напором тяжелая дверь поддалась. Но выбираясь в проулок, Джанет вдруг почувствовала, как острые, будто иглы, когти сорвали с ее левой ноги ботинок. За дверью с рыком попятился второй зверь. Жилистый отец Шарлотты поднял обеими руками железный прут, готовясь навесить невидимой ему бестии еще один удар.

– Он где-то здесь! Не вижу, где, но он оставляет на полу следы.

Джанет всплеснула руками:

– Не надо!

Внезапно мужчина закричал: когти охотящегося зверя вцепились в его руку с прутот, чуть не оторвав ее от плеча. Отбросив хрупкую человеческую фигурку в сторону, чудовище прижало лапу к своему выбитому глазу, слизывая кровь, обильно стекающую из длинного пореза на черепе.

– Блин!

Повернувшись, Джанет по неровной брусчатке подбежала к мотоциклу Тома и, вцепившись в руль, попыталась завести его яростным толчком. Когда мотор запускаться не пожелал, она снова оглянулась. Зверь присел у выходной двери и, выплюнув ее ботинок из похжей на пещеру пасти, готовился броситься за ней. Не раздумывая, она снова навела ствол и несколько раз нажала на спусковой крючок. В ответ раздались лишь сухие щелчки: она уже израсходовала все патроны.

– Да чтоб тебя!

Тут между лопаток зверюги вонзился умело брошенный меч Тома, и зверь рухнул на булыжники; из раны хлынула кровь. За то короткое мгновение, что ему оставалось жить, зверь тяжело перекатился на меч и замер.

Через заднюю дверь было видно, как Том в развороте подпрыгнул в воздух. Его руки легли на башню из тяжелых сценических колонок, которые он обрушил на Охотника, тут же упавшего без чувств. А сам Том, перекатившись по полу, одним грациозным движением вскочил на ноги.

На пути к открытой задней двери он помог Лотти благополучно вывести в узкий проулок группу, а сам остановился у разбитого выхода.

Ночь вокруг наполнилась звуками близящихся сирен; участники группы переглядывались, их лица выражали усталость и облегчение.

Вокалист, пуча ошалелые глаза, изумленно тянул:

– Бли-ин, ну дела-а!

– Что там, блин, стряслось? Просто жесь!

– Эй, ребята, а наши инструменты... что с ними?

Шарлотта изо всех сил пыталась их успокоить, но нервную болтовню с хихиканьем враз прервала единственная фраза:

– О, Лотти, я просто в шоке! Мне так жаль, так жаль...

Хозяйка клуба только сейчас заметила возле мотоцикла Джанет и радостно воскликнула:

– Черт возьми, девочка, ты в порядке? – и осеклась при виде крошечного отчаяния на лице своей юной подруги.

– Что такое?

Джанет указала на открытую заднюю дверь, где стоял Томас, грозно всматриваясь в затемненный клуб. У его ног лежало скрюченное тело отца Лотти с рукой, изорванной зубами и когтями. С отчаянным воплем Лотти рухнула на колени рядом с недвижным телом отца, застыв от горя.

– Смотрите! – выкрикнул вокалист. – По-моему, он еще дышит... Надо врача, срочно в больницу!

– Сирены приближаются. Среди них, скорее всего, есть и «Скорая».

Джанет резким взмахом подозвала певца, который стоял ближе всех:

– Ремень. Давай его сюда, надо прямо сейчас перевязать рану!

Смахивая ладонью слезы, Лотти приняла этот импровизированный жгут. Вместе с Джанет они как могли перетянули мужчине предплечье. Когда кровоток стал замедляться, Лотти облегченно перевела дух.

Джанет бросила быстрый взгляд на Томаса. Он по-прежнему бдительно стоял в дверном проеме, готовый противостоять любой опасности, которая может прийти через него.

«Этот кровавый безумец охотится за нами, а не за ними. Если мы уйдем, они будут в безопасности.

И Тому с полицией лучше не связываться».

Она схватила за руку свою подругу:

– Лотти, послушай. Мы должны ехать... прямо сейчас.

– Сейчас? – Женщина повернулась с тревожным лицом. – А как насчет тех, кто внутри? А мы? Нам ничего не угрожает?

Томас, не оборачиваясь, ответил с порога:

– Они приходили по нашу душу. Как только мы уедем, вы будете в безопасности.

Стоящий в сторонке барабанщик нервн пробормотал:

– Бро, а что там вообще был за отжиг?

– Да ничего такого, чтобы тебя касалось, – пожал плечами Томас.

К парадному входу, визжа колесами, начали подкатывать машины экстренных служб. Шарлотта посмотрела на Томаса глазами, полными всевозможных вопросов, но, пересилив себя, кивнула головой:

– Да-да, конечно. Сматывайтесь поскорей. Но, Джанет, ты у меня в долгу. Ты должна мне все объяснить. Слышишь меня?

– Да. И, черт возьми, обещаю. – Она поглядела вниз, прислушиваясь к затрудненному дыханию раненого. – Он спас мне жизнь. Если я могу хоть что-то сделать, просто дай мне знать.

– Ладно. – И, уже слыша внутри клуба резкие и требовательные голоса правоохранителей, Лотти закричала: – Сюда! Нам срочно нужна помощь!

Взглянув на Джанет, ее подруга пробормотала:

– Один бог знает, что мне им рассказать.

– Лотти, если бы я только могла остаться!

– Нет-нет, я справлюсь. Давайте, быстро отсюда!

Спустя секунду Том завел мотор, и они с ревом понеслись по проулку в город, подхвативший их своим течением.

* * *

Изрядно позже, после того как полицейские во всех подробностях сфотографировали проулок, а затем оцепили его щедрым количеством полицейской ленты, наружу вышел Охотник. Не обращая внимания на черно-желтые полосы ограждения, а тем более на хаос, который все еще не улегся внутри, он вложил меч в ножны и оглядел здание клуба. Поначалу его тревожили мысли о мертвых охотничьих зверях. Удобно, что все они исчезли даже из поля его

зрения в вихре извилистых теней задолго до того, как кто-то из смертных мог запнуться об их трупы.

Погладив голову оставшегося зверя, он вполголоса промолвил:

– Какая насыщенная ночь, дитя мое. Этот Рыцарь Розы обустроивает нам увлекательную погоню, тебе не кажется? – И помолчав, добавил: – Хотя мой хозяин едва ли будет рад гибели своих любимых питомцев.

Тусклый свет из практически пустого клуба осветил Охотника, когда он нагнулся поднять с булыжников проулка рыцарский клинок, что лежал под трупом исчезнувшего зверя. Охотник остановился, чтобы внимательнее осмотреть меч.

– Хм. Простой бранный, щеголяющий эльфийским клинком. Вне сомнения, подарок его любящей Королевы. До чего же ей нравится раздаривать маленькие подарки... Однако сомневаюсь, что он достоин такого клинка.

Через дорогу от проулка горбилась уродливая двухэтажка, на одной стороне которой, что без окон, красовалось панно «Добро пожаловать в Хайлендс!» с намалеванными изображениями фольклорных персонажей: Несси, придурковатых великанов и нескольких ведьмочек, таких уродливых, что казались симпатичными. Все они улыбались, настойчиво зазывая посетителя ублажиться турпоездкой, ну и, понятно, потратить в ней побольше денег.

Охотник и его оставшийся зверь направились прямо туда и без колебаний ступили в грубоватую мазню.

Минуту спустя из-под припаркованной перед тем же зданием машины вынырнули две чернобурые лисички.

– Любопытно.

– В самом деле.

– Такого мы еще никогда не лицезрели.

– Давай пойдем по следу и поглядим, как узел этой истории распутается на этот раз.

И тоже грациозно скакнули через неподатливую поверхность панно в Страну Летних Сумерек.

11

Мимо проносились людные улицы, отвлекая Джанет столь необходимым ей шквалом зрелищ и звуков. Хотя перед глазами так и стояли образы мертвеца в луже собственной крови, а также отца Лотти – стойкие, безжалостно яркие.

Яростно вцепившись в руку Тома, она прокричала:

– Отец единственной подруги может из-за меня умереть! А кто тот, другой? Кем он, черт возьми, был?

Том не ответил, явно раздумывая о чем-то другом (они вдруг понеслись по улице, предназначенной только для пешеходов). Умело избегая испуганных людей перед мотоциклом, Том откликнулся:

– Ты про кого?

– Про того человека в клубе! – крикнула ему на ухо Джанет. – Который умер, пытаюсь меня защитить!

– Может, один из людей твоего отца? Новичок, которого ты не знала в лицо?

Ее голос задрожал из-за разочарования и страха.

– Кто бы он ни был, он мертв... А я даже не знаю его имени. Вообще тот мир, который ты хотел мне показать, просто адище! А затем ты... с мечом. Откуда он взялся? Или тот странный язык, на котором мы оба говорили... Кто на нем разговаривает и почему я теперь его понимаю?

Припав к уху Тома, она прошипела:

– Том, ты меня слышишь? Что вообще происходит?

Его решительное молчание лишь усиливало разочарование Джанет, так что к тому времени, как Том подъехал к воротам поместья ее отца, Джанет уже была вне себя от гнева.

Том повернулся, глядя на нее.

– Миледи, с глубочайшим прискорбием я вынужден вас покинуть.

Джанет сжала его предплечье еще крепче:

– Сейчас, покинуть? Ни за что! Не раньше, чем я услышу от тебя ответы на мои чертовы вопросы!

Встретив ее угрюмый недоверчивый взгляд, Том сказал:

– Куда я пойду этой ночью, ты следовать не можешь.

– И где это место, черт возьми, находится?

Том плотно сжал губы.

– Поверь мне, я не могу дать тебе ответы, которых ты заслуживаешь. Ты должна понять: я Рыцарь Розы, и жизнь моя раз и навсегда связана с моей Королевой.

Джанет вспыхнула:

– Чушь собачья! Рыцарь чертовой Розы... что это значит? Почему твоя клятая королева лезет мне в голову?

Том ответил, можно сказать, сквозь стиснутые зубы:

– Мне еще многое предстоит узнать о тайне, что держит в своих тисках твою жизнь.

– То есть ты собираешься посадить меня у дома моего отца и как ни в чем не бывало опять уехать?

Томас смягчил голос:

– Здесь ты будешь в большей безопасности, чем со мной.

В запальчивости Джанет сжала кулаки и выкрикнула:

– Да в рот тебе компот!

После этого, сужив карие глаза, она указала на элегантные створки ворот отцовского поместья:

– Если ты сейчас уедешь, то обещаю: больше я в эти ворота никогда не зайду!

После недолгой борьбы Том выдавил из себя мрачную улыбку:

– Тогда я провожу тебя до входной двери.

– Именно так ты и сделаешь.

Под всевидящими очами камер безопасности Джанет повернулась и набрала код. Створки ворот тотчас широко распахнулись, и они въехали внутрь. Минуту спустя Том остановил мотоцикл перед огромным гаражом, в котором стояли автомобили Джона Рэйвенскрофта, а также всевозможные транспортные средства его частной службы безопасности.

Повернувшись к Джанет, он молча ждал, когда она спешится. Джанет же подалась ближе к Тому, будто хотела что-то прошептать ему на ухо, и тут, как и множество раз до этого, несказанно его удивила.

Одним плавным движением она выдернула ключ из замка зажигания, заглушив мощный двигатель мотоцикла, спрыгнула с сиденья и отошла на пару шагов, затем впилась в Томаса полным стальной решимости взглядом.

– Слушай меня. Ты отсюда не уйдешь, пока я не получу ответы на кое-какие вопросы.

Не говоря больше ни слова, Джанет кинула ключи в сумочку и удалилась.

Том последовал за ней через дверь, а затем по каменной дорожке, которая огибала дом снаружи и выходила на внутренний дворик с террасой в задней части, откуда открывался вид на обширную территорию всего поместья. Как только они оказались во внутреннем дворике, Джанет принялась расхаживать взад-вперед по безупречно выложенной каменной кладке.

Не желая отбирать ключи силой, Томас ждал, пока Джанет заговорит первой, и с любопытством оглядывал дом, который она не раз называла тюрьмой. Неподалеку виднелся декоративный пруд, по центру которого возвышался мраморный постамент с изящной бронзовой статуей оленя, вставшего на дыбы перед прыжком. Вокруг бассейна и внутреннего дворика был разбит обширный сад, уходящий сейчас в темноту ночи. Вдали огни Инвернесса обрисовывали силуэт протяженной линии забора, отделяющей дом Рэйвенскрофтов от внешнего мира.

Только тогда Том понял, что массивные кованые ворота на входе были лишь небольшой частью внушительной ограды, которая полностью окружала угодья, на которых располагалось поместье. Этот забор напоминал какую-то массивную средневековую оборонительную систему с острыми шипами, торчащими из густой живой изгороди из деревьев, которая тесно оплетала его. Вдоль внутреннего дворика тянулся еще один ряд тех же деревьев с большими гроздьями красноватых ягод, низко свисающих с ветвей.

Том непринужденно протянул руку и, сорвав одну ягодку, раскатал в руке и вдохнул ее аромат, а затем прошептал сам себе:

– Интересно... Защита, конечно, отменная. Но кто здесь ее установил и зачем?

В эту минуту по той же дорожке, которой только что прошли они, бодрой походкой приблизился дородный охранник. Выйдя во внутренний дворик, он подозрительно покосился на Томаса, нервно постукивая пальцами по кобуре с пистолетом, и лишь затем подал голос:

– Вечер добрый, мисс Рэйвенскрофт. У вас все в порядке?

– В порядке, в порядке. Давай шагай мимо.

Охранник, замешкавшись, все же не сводил с них взгляда, пока Джанет через силу не вынудила себя улыбнуться:

– Ты у нас Рэйли, верно?

Когда тот кивнул, она продолжила:

– Послушай, Рэйли. Это мой парень, и прямо сейчас мы решаем... некоторые вопросы. Нам просто нужно побыть наедине.

Диалог прервала пронзительная вибрация мобильного на поясе у охранника. Рэйли, страдальчески закатив глаза, извинился, прежде чем взять трубку.

Пока он слушал, его лицо становилось все напряженнее. А повесив телефон на пояс, он хмуро посмотрел на дочь своего работодателя.

– Тут в городе кое-какие неприятности с одним из наших людей. Мне надо идти. – Он сделал паузу, пристально изучая Тома и как будто обдумывая, что ему следует делать с этим человеком. Наконец, пожав плечами, он принял решение, очевидно, решив поверить мисс Рэвенскрофт на слово.

– Хм. Вы уверены, мисс, что с вами все будет в порядке?

– Да, да. Да!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.